

ШКОЛЬНИЙ ВЕСТИНИК

6+

11/2017

Учредители журнала:	СОДЕРЖАНИЕ	
АО «Молодая гвардия» и коллектив редакции	Константин Лапшин. Учителя, которые меняют жизнь	1
Главный редактор Ю.И. Кочетков	Юрий Лунин. Мой самый полезный ГАВ-джет	8
Редакционная коллегия:	ПРОБА ПЕРА	
С.В. Винокурова	Илья Кравцов. Стихи	16
В.З. Денискина	Александр Панасюк. Палатки	17
Г.С. Еремеев	НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ	
И.Н. Зарубина	Павел Шмыров. Стихи	20
О.В. Клековкина	Стихи вслух. Вечера поэзии в Политехническом музее	23
Ю.И. Котов	АЗ, БУКИ, ВЕДИ	
В.В. Кулешов	Елена Данько. Стихи	37
И.И. Семёнова	Карел Чапек. Большая кошачья сказка	42
Г.А. Смирнов	Маша Лукашкина. Чужие окна	51
А.В. Тимофеев	УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ	
А.П. Торопцев	Лариса Шевцова. Урок № 22	74
О.В. Шевкун		

УЧИТЕЛЯ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ ЖИЗНЬ

Какими бывают учителя? Многие просто грамотно объясняют свой предмет, и мы считаем их хорошими специалистами. Некоторые оказываются способными не только хорошо подготовить учеников, но и передать им опыт преподавания, сформировав тем самым свою школу. О таких учителях мы говорим, что они — мастера своего дела, педагоги по призванию. Но встречаются среди учителей и такие, чьи знания и опыт просто переходят в нашу жизнь, становятся её частью и полностью меняют её. И мы помним о них каждый день и стараемся жить так, чтобы быть достойными этих замечательных людей.

Я считаю, что мне повезло, потому что в моей жизни было несколько таких учителей. Именно они сформировали моё мировоззрение и характер, и может быть для кого-то из наших читателей окажется интересным рассказ о них.

Начну с того солнечного и прохладного октябрьского дня, когда, совсем недавно поступив на экономический факультет Тимирязевской академии, я пришёл на первое занятие по истории. Перед этим нашей группе передали задание от преподавателя — сделать конспекты нескольких статей политических деятелей России конца XIX века. Мне, только что вышедшему из стен интерната, было ещё трудно понять, кто они — эти пока почти неизвестные зрячие студенты. Про них в школе постоянно говорили, что это — самые лучшие ребята из всех сельских школ страны. И кто знает, каков их уровень подготовки и чему надо соответствовать.

В общем, я добросовестно подготовил эти конспекты для доклада, напечатал текст на брайлевской машинке и принёс этот десяток страниц на занятие. Надо сказать, ребята — мои одноклассники — очень удивились такому формату конспектов, никто из них ещё ни разу не видел брайлевских текстов. Потом я с удивлением узнал, что их видят впервые в жизни и большинство преподавателей. Но наш преподаватель истории был не из их числа. Он бойко вошёл в аудиторию. На спине его висел небольшой рюкзачок защитного цвета, в котором аккуратно, по-военному, были сложены книги и тетради. Шёл он на костылях, чем-то напоминавших лыжные палки, и то, что у него не было левой ноги, совсем не помешало ему простоять за кафедрой полтора часа.

Познакомившись с каждым из нас, он спросил, подготовлены ли конспекты.

— А, это же записи, сделанные шрифтом Брайля, — сказал он, посмотрев на мои тексты. — Я знаю эту систему. Когда я был в Филатовской больнице, я видел, что так многие наши, кто остался без зрения, писали.

Звали преподавателя Борис Иванович Шабалин. Он был ветераном Великой Отечественной войны. На фронте почти два года командовал экипажем танка. В ноябре 1941 года под Волоколамском танк, которым он командовал, был подбит. Бориса Ивановича удалось спасти, лишь разрезав автогенем броню танка. После ранения он сражался на Юго-Западном фронте, затем — в танковом сражении на Курской дуге. После битвы под Прохоровкой его тридцатьчетвёрка освобождала Украину. В сентябре 1943 года, под Донецком, его танк снова был подбит. Весь экипаж погиб, а сам Борис Иванович чудом выжил, но ему оторвало ногу.

Многим, даже очень закалённым бойцам, приходилось тратить долгие годы, чтобы физически и морально восстановиться после такой травмы. Но Борис Иванович был не из их числа. Уже в 1944 году он добровольцем был направлен на Западную Украину, где был назначен секретарём райкома комсомола. Не стоит объяснять, каково было работать комсомольскому активисту в окрестностях Черновцов, где часто фактическую власть имели бандеровские фашистские банды. И тем не менее молодой майор, только что выписавшийся из госпиталя, на костылях проработал там пять лет — самых трудных лет становления советской власти на западной Украине. Однако ему очень хотелось учиться, стать историком. И когда ситуация более-менее стабилизировалась, в 1949 году он был направлен на исторический факультет МГУ, который закончил с отличием.

После окончания университета Борис Иванович преподавал историю в нескольких вузах. Его жизнь не была лёгкой: давало о себе знать ранение. На второй ноге проявлялась гангрена, несколько раз из-за неё он был буквально на грани жизни и смерти. И тогда выручало верное средство — на несколько месяцев он один уходил в лес. «Говорю своим — пошёл в лес. Если вернусь — значит, буду жить дальше. А в лесу лечился травами, питался ягодами и грибами», — рассказывал Борис Иванович. А ещё помогали занятия спортом. С детства его увлекал водный туризм. В результате своих походов и тренировок он не только полностью поправился, но и стал известным спортсменом, мастером спорта международного класса по гребле на байдарках.

Никто тогда не знал таких понятий, как «параспорт», «Паралимпийские игры». Спорт был один — что для

инвалидов, что для людей без ограничений здоровья. А у Бориса Ивановича, привыкшего во всём выкладываться до конца, были свои критерии прохождения квалификационных маршрутов. Самая сложная категория маршрута в водном туризме — шестая. Это каскады сложных порогов с перепадами высоты до нескольких десятков метров на реках в труднодоступных местах высокогорий Алтая, Саян или Кавказа, где между стартом и финишем нет ни населённых пунктов, ни возможностей сойти с маршрута. Это прямой и даже смертельный риск. Не один раз он проходил такой маршрут один. И единственным подтверждением этого для квалификационной комиссии Федерации спортивного туризма было то, что к финишу он приходил живым и его байдарка оставалась целой.

В 1965 году Борис Иванович начал работать в Тимирязевской академии. Почти сразу после своего прихода в наш вуз он создал клуб военно-патриотического туризма, участники которого стали совершать походы по местам боевых действий, а в майские праздники — ежегодные многодневные байдарочные походы, приуроченные ко Дню Великой Победы. Созданный им клуб туристов Тимирязевки существует до сих пор и носит его имя. Он сохранил все традиции, заложенные более 50 лет назад. Для нескольких поколений студентов Борис Иванович стал не только любимым преподавателем истории, но и примером мужества, стойкости и самоотдачи.

С того памятного октябрьского дня, когда Борис Иванович познакомился с нашей группой, прошло уже полгода. Учёба у меня шла хорошо, а вот контакт со зрячими одноклассниками устанавливался довольно трудно. И вот

в середине апреля наш преподаватель объявил, что клуб туристов собирает всех желающих в традиционный майский байдарочный поход. А после занятия он подошёл ко мне и сказал:

— Костя, а ты не думал о том, чтобы пойти с нами?

— Да как же я пойду со своими четырьмя сотыми? Байдаркой же надо управлять, на воде ведь обстановка постоянно меняется.

— Ничего страшного. Мы тебя посадим со зрячим, управлять будет он. А твоё дело — хорошо грести. Этому можно быстро научиться и сослепу, — улыбнувшись, ответил Борис Иванович.

Его приглашение я воспринял с радостью. Ведь, по сути, именно он показал мне, что я «свой» не только в среде незрячих, но и среди остальных людей! Ко мне наконец-то пришло простое понимание, что лишь от меня одного зависит, кем я смогу стать в этом большом мире.

В начале мая состоялся мой первый водный поход. С тех пор туризм стал частью моего мира, а те жизненные принципы, которым учил нас в походах Борис Иванович, во многом стали и моими. Походы помогли мне быстро наладить контакт со студентами, а вскоре у нас сложилась компания настоящих друзей, с которыми мы выходим с палатками и гитарами до сих пор.

Ещё многие годы после того, как я попал в туристический клуб, Борис Иванович был его руководителем. Он всегда возглавлял наши майские походы и сам управлял своей байдаркой. В походах мы отмечали его юбилеи — 75, 80, потом 85... Каждый раз, бывая то на Волге подо Ржевом, то на Осуге под Торжком, то на Угре недалеко от Юхнова, он подробно рассказывал нам,

какие наши и вражеские части стояли в этих местах в 1941 — 1942 годах, как наши держали там оборону или наступали. Да и палатки наши часто стояли рядом с окопами, оставшимися с войны. Они хоть и заросли травой, но сохранились неплохо — места эти не очень населённые, несмотря на то, что расположены всего-то в двухстах километрах от Москвы.

Давно остались позади мои студенческие годы, была защищена кандидатская диссертация на кафедре, где я остался работать преподавателем. Всероссийское общество слепых обрело свой сайт, который мне довелось разрабатывать. Но всё так же каждую весну нас звали на реку и вели вперёд солнечные зайчики — отблески взмахов байдарочных вёсел нашего «Кондора», как мы в шутку называли Бориса Ивановича.

Часто картина была сюрреалистической, почти как в фильме «Мы из будущего». Река. На одном берегу — наши окопы, на другом — немецкие. Их мы отличаем по моткам колючей проволоки, оставшейся по берегам. Наша — круглая, немецкая — ребристая. В котелке варится гречка с тушёнкой. Мы греемся у костра после трудного дня. Накрапывает мелкий дождик. Борис Иванович режет колбасу трофейным ножом, на котором готическими буквами выгравировано: *Ehre und werde* (Честь и достоинство). Этот кинжал он взял у убитого эсэсовца в 1942-м. Именно оружие, которое вручал лично Гитлер. Мы согреваемся походными 100 граммами. Начинает звучать гитара. И только первая кукушка, которая ей подпевает, возвещает нам, что дождик скоро пройдёт, что приходит весна и завтра будет тепло. И как-то трудно представить, что на календаре уже начало третьего тысячелетия.

В конце января 2009 года Борис Иванович позвонил моему другу и попросил нас навестить его. «Что-то совсем плохо себя чувствую, может, до весны не доживу, приезжайте, так хочется увидеться», — попросил он. Мы приехали, поделились своими новостями, вспомнили прошедшие походы.

— Ну что, к майскому походу готовитесь? — спросил Борис Иванович. — Очень хочется и мне к вам присоединиться. Была бы хорошая весна...

В тот день мы с ним ещё долго разговаривали о наших делах и нашей работе, вспоминали общих знакомых, мечтали о будущих маршрутах. И очень хорошо, что мы тогда приехали к нему. Потому что через двенадцать дней, 11 февраля 2009 года, его не стало. Борис Иванович умер тихо, во сне. «Вот и закончилась его война, его борьба за место в этом мире», — говорили близкие.

А апрель в 2009 году действительно был тёплым...

У тех, кого он воспитал, эта внутренняя борьба за то, чтобы в любых условиях сохранять своё достоинство и быть человеком при любых жизненных обстоятельствах, думаю, останется на всю жизнь. В нынешнем году Борису Ивановичу Шабалину, «Маресьеву танковых войск», исполнилось бы сто лет. И вновь, в память о нём, на нашем традиционном месте недалеко от деревни Парамово Дмитровского района Московской области — там, где в 1941 году были остановлены немецкие войска и откуда началось наше контрнаступление под Москвой, собрался слёт туристического клуба Тимирязевской академии. Загорелись костры, зазвучали песни. И новые туристы устремились к своим жизненным вершинам.

МОЙ САМЫЙ ПОЛЕЗНЫЙ ГАВ-ДЖЕТ

Несколько лет назад я наткнулся в Интернете на такое древнее изречение: «Не живи в городе, где не слышно лая собак». Честно говоря, собачий лай не входит в число моих любимых звуков, поэтому моментального отклика данная мудрость во мне не нашла. Не исключено, что именно поэтому я стал над ней размышлять.

«Может быть, — рассуждал я, — это всего лишь иносказательная рекомендация жить поближе к тем местам, где живут люди с достатком, а не селиться среди нищеты? Ведь если в городе не слышно собак — главных сторожей человеческого имущества, — стало быть, и сторожить там особенно нечего, и никакого материального благополучия в таком городе не добьёшься».

И всё же слышался в этом изречении какой-то иной, более глубокий, нематериальный смысл...

На самом деле собака предана человеку так беззаветно, что готова жить рядом с ним даже в условиях крайней бедности. Поэтому город, в котором извечная связь между собакой и человеком была по какой-то причине уничтожена, кажется не столько бедным, сколько жутким, и жить в нём скорее опасно, чем невыгодно. Если уж в этом городе и собака человеку не друг, то и человек человеку — волк.

А теперь давайте отправимся в место, где можно вдоволь послушаться собачьего лая, такого привлекательного для слуха древних мудрецов. Я говорю о Российской школе подготовки собак-проводников, что находится в подмосковной Купавне. Здесь с 1 по 3 сентября

2017 года проходил XIII Всероссийский конкурс ВОС «Мы с хозяином вдвоём».

Я ехал освещать этот конкурс уже не первый раз и, зная по опыту, что день предстоит весёлый и интересный, взял с собой семью — последовал ещё одному старинному совету: совмещать приятное с полезным.

Пока жена и дети исследовали обширную и живописную территорию школы, я побеседовал с генеральным директором этого необычного учебного заведения Александром Александровичем Ивашковым. Наша беседа началась с его рассказа о том, как хозяева собак-проводников становятся участниками конкурса:

— В основном мы приглашаем тех людей, которые получили собаку в предыдущем году. Ещё в процессе обучения я общаюсь с людьми, чтобы выявить потенциальных кандидатов на участие в конкурсе. Самый важный для меня фактор — желание: хочет ли сам человек попробовать свои силы? Если да, то я рекомендую ему заранее написать заявление на имя председателя региональной организации с просьбой о финансировании поездки. Как правило, наши председатели с готовностью идут навстречу. Но это потом, а сначала нужно пройти обучение, «набить шишки», как мы говорим...

Безусловно, для того чтобы качественно взаимодействовать с собакой, нужен труд, и немалый, но этот труд всецело оправдан результатами. Понятно, что на дворе век высоких технологий: существует много приборов, гаджетов, которые служат для навигации и при этом не просят, чтобы им насыпали в миску корму или вывели погулять. Но я всегда говорю, что никакой гаджет поперёк дороги не встанет, когда, например, вчера на этой дороге ещё не было ямы, а сегодня вот она — вырыли.

Гаджет не определит, что это яма, и инвалид может получить серьёзную травму. А собака увидела, преградила собой дорогу — и уберегла человека от падения...

Как вы думаете, читатель, учат ли собак в купавенской школе ходить на задних лапах? а петь? а прыгать сквозь обруч? или помогать по огороду? Правильно: не учат, потому что это школа подготовки собак-проводников, а не собак-вокалистов, циркачей или садоводов. Однако никто не запрещает незрячему человеку, ставшему хозяином собаки-проводника, обучить своего питомца каким-то новым навыкам помимо тех основных, что были усвоены собакой в школе.

Для того чтобы собаки могли продемонстрировать новые таланты, раскрытые в них хозяевами, и снискать за это высокую оценку жюри, в конкурсе предусмотрен этап под названием «Мы с хозяином вдвоём вместе весело живём». Иначе говоря — домашнее задание.

Вот, например, сценка «Сбор урожая»: собака аккуратно берёт зубами овощи, которые один за другим протягивает ей хозяин, и старательно переносит их в корзину.

А вот вокальный дуэт: стоило запеть хозяйке, как подхватила песню и её питомица.

Покачать детскую коляску? Пожалуйста! Лабрадоры (а большинство собак-проводников относятся именно к этой породе) способны и не на такое. Крупные, и отнюдь не страдающие плохим аппетитом, они прыгают сквозь обруч и через барьер, ходят на задних лапах, изящно перекатываются с боку на бок и ползут по-пластунски. Ты только научи, хозяин!

Хозяин раскрывает таланты в собаке, собака — в хозяине. Многих участников конкурса четвероногие друзья

вдохновляют на написание стихов, как ироничных, лёгких, так и серьёзных, пронзительных.

Появляясь в жизни инвалида по зрению, собака-проводник делит эту жизнь на «до» и «после». Дабы убедиться, что это не преувеличение, поговорим с конкурсантами.

— Вообще, я очень активный человек, — рассказывает Наталья Гордова из Санкт-Петербурга, — но после того, как практически потеряла зрение (остаток очень маленький), я, наверное, лет десять никуда не выходила из дома одна. Только в сопровождении мужа. Всё потому, что я очень стесняюсь того, что не вижу. С появлением Чайны я смогла преодолеть этот комплекс. Мы с ней много куда теперь сами передвигаемся. Я снова работаю, я чувствую свободу, и это, конечно, большое дело.

— Почему вы так долго шли к решению завести собаку? Целых десять лет!

— Я почему-то представляла себе, что будет сложно найти общий язык со взрослой собакой. Ведь мы забираем их из школы уже далеко не щенками. На самом деле с первого же дня у нас установился прекрасный контакт. Я очень счастлива, что у меня именно она, моя Чайна. Я считаю, что мне просто очень повезло.

Собака-проводник не только облегчает незрячему человеку путь по жизненно важным маршрутам внутри родного города, но и открывает перед ним дорогу в мир путешествий. Об этом свидетельствует житель Находки Вадим Чекмарёв, хозяин лабрадора по кличке Урса.

— Собака полностью освободила моих родственников от забот обо мне, я стал независимым. Я и сюда добрался из Находки один, без сопровождающих. А до этого

целый месяц курсировал по России. В Тамбове был, в Мичуринске, в Орле, в Железногорске.

— Собака помогает даже в тех городах, в которых у неё ещё не наработаны маршруты?

— Конечно! Я давал друзьям, которые тоже не видят, попробовать походить с Урсой — так они просто поразились, как это удобно. Спасибо специалистам школы, хорошую воспитали мне собаку. Настоящий четвероногий навигатор!

Состав участников конкурса традиционно радует географическим разнообразием, и из Приморского края мы переносимся в Оренбург, где живут и дружат Юрий Чурносков и его собака-проводник Цея.

— Цея — это мои глаза! — говорит Юрий. — Первый мой помощник на улице и дома. Если что-то уроню — поднимет. И, как говорится, стресс снимает. Стоит ей подойти, поласкаться, и уже настроение поднимается, как бы грустно до этого ни было. Мы на улице с ней постоянно занимаемся. Детишки во дворе её очень любят, всегда просят показать, что она умеет.

Кстати о детишках. Не зря же я их позвал на конкурс. Пускай хотя бы старший (третьеклассник) поделится своими впечатлениями.

— Лёва, ты впервые на таком конкурсе. Тебе интересно?

— Конечно! Я сравниваю умения одних собак с умениями других. Думаю, сколько бы баллов кому поставил.

— И кто понравился тебе больше всех?

— Собака такая — с подсолнухом на ошейнике. И у хозяйки была заколка с таким же цветком. Собака выполняла достаточно обычные команды: «ползи», «голос», «подними», но мне показалось, что у неё это получалось лучше всех. Она прямо такая порядочная, красивая. И хозяйка у неё такая приятная.

Я сразу понял, о ком говорит Лёва, и уже направился было к «приятной хозяйке» «порядочной» собаки для интервью, но тут прозвучало объявление о начале следующего этапа конкурса — «Мы с хозяином вдвоём знаем всё и обо всём». Каждый участник отвечал на три предложенных ему вопроса, которые, так или иначе, касались темы собак. Честно говоря, я бы смог дать правильный ответ лишь на один из тридцати прозвучавших вопросов: какая порода собак известна любому астроному? Конечно же, гончая из созвездия Гончих Псов. Но откуда мне было знать, что штраф, положенный в Киевской Руси за кражу собаки, составлял 3 гривны, а слово «каникулы» происходит от латинского «канис» — собака. Не знал я также, что кокер-спаниель гораздо прожорливей лабрадора, а пекинесы служили древним китайцам средством самообороны. В случае опасности маленькие собачки самоотверженно бросались на обидчика — как бы вы думали, откуда? — из хозяйского рукава!

Самый высокий уровень эрудиции продемонстрировала Елизавета Наумчева из Краснодарского края — та самая девушка с цветком в волосах, о которой говорил мой сын. Сразу по завершении интеллектуального этапа конкурса мы побеседовали.

— Елизавета, меня поразило, с какой лёгкостью вы отвечали на такие трудные вопросы. Вы, наверное, всерьёз интересуетесь темой собак и собаководства?

— Действительно, я давно этой темой интересуюсь. Я любила собак ещё до того, как у меня ухудшилось зрение. Когда это произошло и возникла необходимость в собаке-проводнике, я сразу обратилась в купавенскую школу.

— Сильно ли ваша жизнь изменилась после того, как в ней появилась Грейси?

— Можно сказать, кардинально. Я теперь не завишу от других людей. Могу передвигаться по городу, по стране — куда хочу и когда хочу.

— Расскажите про участие в конкурсе. Волновались сегодня?

— Да, было немного...

— Зато Грейси была само спокойствие.

— Да, она всегда поддерживает меня. Когда волнуясь, пытается меня успокоить. Подходит, тычется в меня носом и придаёт мне уверенности. Заряжает энергией, позитивом. Хочется жить дальше, несмотря на то, что не видишь. Ты этого просто не ощущаешь; ты такой же, как и все здоровые люди.

Итак, мы получили уже не одно подтверждение тому, что собака дарит позитивную энергию, помогает узнавать новое, побуждает к творчеству. Однако в купавенской школе она рассматривается прежде всего как средство реабилитации. Поэтому этап «Мы с хозяином вдвоём все преграды обойдём» всегда был и остаётся кульминацией конкурса.

Перед участниками — полоса препятствий, имитирующая изменчивые условия городских улиц. Какие-то преграды нужно обойти, какие-то — перешагнуть, а под некоторыми — пройти, пригнувшись. Фактор «подгляда» здесь исключён (все конкурсанты проходят полосу в светонепроницаемых очках), поэтому успех, а стало быть и количество драгоценных баллов, полученных на этом этапе конкурса, всецело зависят от качества взаимодействия человека и собаки-проводника.

А пока подсчитывались баллы, я побеседовал с Игорем Владимировичем Сазонкиным — заместителем на-

чальника управления социального развития аппарата правления ВОС. Он уже не первый раз присутствует на конкурсе «Мы с хозяином вдвоём» и является большим любителем этих увлекательных состязаний.

— Для школы этот конкурс — своего рода лакмусовая бумажка, — утверждает Игорь Владимирович. — Мы не просто вручаем собаку-проводника незрячему человеку, мы доверяем нашей собаке человеческую жизнь. И каждый раз мы видим, что трудились не зря. Многолетний опыт, который школа выработала за многие десятилетия, бесценный опыт её инструкторов, — всё это работает.

Осталось назвать призёров конкурса. Победа досталась Алексею Возмищеву из Кировской областной организации ВОС и его питомцу по кличке Валет. Второе место завоевали уже известные читателю Елизавета Наумчева из Краснодарского края и её верная Грейси. Надежда Леонтьева из Ростова-на-Дону и лабрадор Бабета удостоились третьего места.

Остальным участникам присуждались победы в отдельных номинациях: «За волю к победе», «За взаимопонимание», «Лучшее домашнее задание», «Самая техническая пара», «Самая спортивная пара» и «Приз жюри».

«Мы с хозяином вдвоём» — очень добрый и трогательный конкурс. Человек теряет зрение, и на помощь ему, как тысячи лет назад, приходит его неизменный друг и спутник — собака. Не электронный прибор, не очередное достижение современной техники — а живое, тёплое, любящее существо, которое способно сделать лучше не только человеческую жизнь, но и самого человека. Недаром один мыслитель любил повторять своего рода молитву: «Боже, помоги мне стать таким, каким считает меня моя собака».

ПРОБА ПЕРА

Илья Кравцов

*Ученик Челябинской школы № 127
для слабовидящих детей*

МОЙ ДЕНЬ

Проснулся, потянулся,
Вскочил и улыбнулся.
Почистил, умылся,
Собрался-снарядился.

Позавтракал, оделся,
Поехал и помчался.
Приехал, отдышался.
Влетел, вздохнул, поднялся.

Учился-обучался,
Вспотел, устал, поплёлся,
Пришёл, прилёг — забылся.
Очнулся — встрепенулся.

Понёсся, обучился,
Попел, чуть не свалился.
Ушу позанимался
И снова сил набрался.

Поужинал, поделал,
Зубрил, учил — доделал!
Помылся, отчебучил —
И спать пошёл замученный.

Александр Панасюк

*Ученик Челябинской школы № 127
для слабовидящих детей*

ПАЛАТКИ

В этом сезоне дружная семья палаток преодолевала уже не первый поход. Где только они не побывали! Казалось, весь Урал с его необъятными просторами, жемчужными озёрами и волшебными горами хожены-перехожены. Но этот поход почему-то не заладился сразу. Пожалуй, они и сами не смогли бы ответить, почему.

Как всегда, проводником был палатка-дед — серьёзный и волевой, требующий подчинения во всём. Кому, как не ему, лучше знать, как поступать и куда направиться. Добрая и энергичная палатка-бабушка, красивая и статная, несмотря на свой почтенный возраст, была душой всей семейной компании. А как её обожали внуки-озорники — тройняшки-палатки! Молчаливый спортсмен папа-палатка тащил основной груз в любом походе на своих могучих плечах и, казалось, никогда не уставал. Красавица-кокетка мама-палатка старалась всегда привлечь чьё-нибудь внимание, где бы она ни находилась. Со стороны могло показаться, что она ужасно избалована и ей нет дела до своих детей, но это было совсем не так. Своих мальчишек она обожала. А уж ка-

кие расстояния во время путешествий преодолевала вся семья! И мама никогда не отставала. И только иногда жаловалась.

— Нет, вы всё-таки скажите, скажите — какой прок от этих вылазок, только лопнет и осыплется вся моя налакированная ткань, — сама себе говорила кокетка, смотрясь в зеркало, — я не выдержу и подурнею.

Но вернёмся к злополучному походу. Семья уже совершила приличный марш-бросок через сосновые и берёзовые леса и подошла к подножию горы, густо заросшей кустарником. Дальнейшая дорога казалась непроходимой, но только не для семьи палаток. На привале малышей оставили с мамой и дальше двинулись более опытной группой.

На следующий день рано утром озорники решили сходить на речку. Братьям строго-настрого было запрещено купаться, так как течение реки в этом месте было сильным, но пока мама спала, они уже были далеко. Весело тройняшки-палатки забежали в воду. Их радости не было предела! Вот уж легкомысленные создания! Но уже через минуту бурное течение подхватило мальчишек и унесло от берега. Все втроём они зацепились за какую-то корягу и стали тонуть. Поняли бедолаги, какую ошибку совершили, но было уже поздно. Лежат палатки на дне реки и плачут, но никто не слышит их призывов о помощи.

Тем временем красавица-палатка проснулась, сделала себе новую причёску, приготовила завтрак и стала звать сыновей к столу. Но никто не отзывался.

— Куда запропастились мои озорники? — начала волноваться мама.

И вдруг она увидела дедушкину маску для подводного плавания, которую малыши вынули из рюкзака, но забыли в спешке. Во весь дух она помчалась к реке. Ветки царапали её лицо, причёска рассыпалась, несколько раз красавица спотыкалась о корни деревьев, но продолжала бежать. Оказавшись у реки, палатка с разгона бросилась в воду. Она не сразу, но смогла найти своих сыновей и одного за другим вытащила на берег. А о том, что и сама могла утонуть, мама не думала.

Уставшие, размокшие, но счастливые герои вчетвером вернулись к месту привала. У них ещё было время, чтобы обсохнуть и привести себя в порядок, пока не вернулись все остальные члены семьи.

— Всё-таки у нас самая красивая и смелая мама! — говорили тройняшки, дожёвывая остывший завтрак.

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Павел Шмыров

Наш пока не рухнул мир,
Не исчезнет в жизни цель.
Скачет рыцарь на турнир,
Манит спорщиков дуэль.

Лук натянет Робин Гуд
Без особенных затей,
А герои всё идут
Бить драконов и чертей.

Вражью побивают рать.
Им по-прежнему нужны
(Ведь не дважды помирать)
И принцессы и княжны.

Вихрем безудержной страсти
Мечет игральные кости

Мир — состязанье и кастинг.
Мы — игроки или гости?

Бурей азарта и злости
Без соблюдения правил
Кружат борцы на помосте.
Кто их привёл и направил?

К звёздам, вершинам и власти
Рвёмся из собственной кожи.
Брызги, осколки и части.
К целому путь не возможен?

АВТОМОБИЛЬ НЕ РОСКОШЬ

Месил песок и снег пешком.
Мечтал тайком о тройке — чуде.
С большим, увесистым мешком
И в пир, и в мир, и в добры люди.

Мой верный конь — велосипед.
Служил добром зимой и летом.
Немало километров — лет —
С ним отработано дуплетом.

Ах, как хотелось перемен!
Чудесный миг, друзья. Отныне
Терпи, лежащий полисмен,
По свету мчимся на машине.

Столь долгожданные права
Детишки в муках получили.

Вперёд! Ни пуха! Трын-трава!
Хоть до Китая, хоть до Чили!

ЗИМНИЙ ЛЕС

Всё просто, реально. Тайна
Ушла, не видать чудес.
Вдруг как-то случайно
Зимой попадаешь в лес.

Войдёшь, раздвигая ветки, —
Снега скрип под ногой.
Как будто шагнул из клетки
В света разлив голубой.

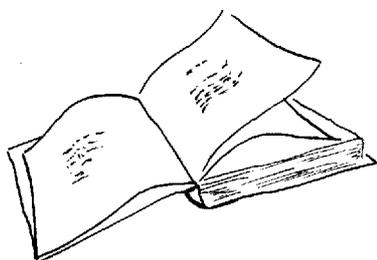
Снег пуховой периною
Выстелил узкую просеку.
Песню тягучую, длинную
Ветер на крыльях носит.

Лёгкой рукой мороза,
Живой, не жалея силы,
Лес навевает грёзы
О чём-то родном и милом.

Синее, ясное небо,
Елей убранство снежное.
Было то или не было?
Белое, хрупкое, нежное...

СТИХИ ВСЛУХ

ВЕЧЕРА ПОЭЗИИ В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

В 1921 году Всероссийский союз поэтов — литературное объединение поэтов разных направлений и школ — выпустил свой первый стихотворный сборник. На обложке кроме названия — «СОПО» (сокращённое название Союза поэтов) — обозначен и год издания: «Четвёртый год первого века». Революция 1917 года стала для страны началом новой эпохи, и ощущение коренного изменения самих основ жизни было всеобщим. Поэты тоже чувствовали, что их творческая деятельность должна стать какой-то иной, не такой, как прежде.

В 1918 году А.Л. Чижевский, будущий великий учёный, а тогда молодой поэт и участник всевозможных литературных собраний, выпустил брошюру «Академия Поэзии» — грандиозный проект учебного заведения для литераторов. Проект был одновременно и деловит, и фантастичен. Описывая комплекс зданий Академии, Чижевский мечтает: «Мы разобьём в парке беседки, устроим фонтаны, площадки для игр, открытый театр. Поэты и писатели будут выступать перед публикой, читая свои произведения. В антрактах загремит музыка, и население Москвы и окрестностей пожалует в Академию Поэзии, чтобы послушать лучших поэтов и насладиться величавой обстановкой этого храма искусств». По форме этот проект Чижевского чистейшей воды утопия, а по сути — отражение реальных запросов и чаяний эпохи. Повсюду, будь то столица или маленький

провинциальный городок, возникали многочисленные литературные объединения и поэтические студии. Поэзия никогда, вплоть до наших дней, не занимала такого огромного места в жизни общества, как в первые послереволюционные годы.

Писатель А. Серафимович вспоминает, как несколько месяцев спустя после Октябрьской революции его пригласили в Московский совет и поручили издание пролетарского журнала: «Вот, товарищ Серафимович, нам присылают каждый день — по двадцать, по тридцать стихотворений. Есть и рассказы, но в подавляющем большинстве стихи. Вот мы их и собираем». И дальше Серафимович пишет: «На полу лежали наваленные тюки, перехваченные шпагатом. Я порылся. Из сотен, из тысяч можно было взять одно, два, да и то с переделкой. А стихи текли и текли неудержимым потоком, как будто прорвало плотину. Я ахнул. Да ведь это же не стихи! Это — неудержимый, неостанавливающийся вопль... Неугасимый голос слёз, отчаяния и вместе радости счастья, безмерности надвигающегося. Это — радостный крик людей, глянувших из сырой задыхающейся могилы, — и вдруг блеснул просвет чуть приоткрывшейся судьбы».

Откуда-то вдруг появилось множество поэтов, те, которые сами не сочиняли стихи, с ненасытным интересом и восторгом их читали или слушали. В эти годы стихи звучали на митингах, нескончаемых собраниях, в концертах и литературных кафе. Поэт В. Шершеневич в своих воспоминаниях отмечал такую характерную особенность послереволюционного времени: «Родилось молодое поколение поэтов, часто не умевших грамотно писать, но умевших грамотно читать и жить. Голос стал

важнее орфографии». И дело тут вовсе не в том, что страна лежала в разрухе и книги было трудно печатать, сейчас это кажется невероятным, но в 1917 — 1921 годах вышло более тысячи стихотворных сборников современных авторов. В годы тяжких испытаний поэзия на какое-то время вернулась к своим древним истокам и, покинув печатный лист, зазвучала живым человеческим голосом, так она вернее достигала своей цели, быстрее находила отклик у своего читателя.

Журналист Э. Миндлин, живший в Москве в начале 1920-х годов, так описывает картину поэтической жизни города этих лет: «Шёл 1922 год. В течение четырёх предшествующих лет, когда говорили о литературной Москве, имели в виду почти исключительно стихописательскую Москву. Невообразимое количество признанных, но гораздо больше непризнанных поэтов наводнили голодную и холодную столицу РСФСР (СССР ещё не был образован). Москва кишела десятками поэтических школ. Поэтические пророки появлялись внезапно: на бульварах, в кафе, на Хитровском рынке у водогрейки, на обдуваемых зимними ветрами московских площадях под агитационными плакатами».

Москва стала столицей зарождающейся советской поэзии, а главной поэтической трибуной Москвы — Большой зал Политехнического музея.

Большой зал открылся в 1908 году и сразу же стал очень популярен у москвичей. Лекции в нём читали крупнейшие учёные — Н.Е. Жуковский, К.А. Тимирязев, П.Н. Лебедев, П.П. Лазарев, Н.А. Мечников, В.И. Вернадский и другие. Состав посетителей лекций был, как правило, исключительно демократичен: трудовая интеллигенция, студенчество, передовые рабочие. В По-

литехническом находили поддержку изобретатели и учёные, не замечаемые официальной наукой, например, П.Н. Яблочков, изобретатель лампы накаливания, и К.Э. Циолковский. В начале XX века в Большом зале начинают выступать с чтением своих произведений писатели и поэты: Брюсов, Бунин, Маяковский и другие.

Ни один рассказ современников о вечерах поэзии в Политехническом не обходится без упоминания о переполненной зале, о толпе оставшихся без билетов, но жаждущих попасть на вечер перед входом, о необыкновенном интересе и энтузиазме аудитории. Устраивались персональные вечера известных литераторов. Но особый интерес вызывали у публики коллективные вечера, на которых выступали поэты различных школ и направлений. Обычно на афишах вечеров поэты были разделены на школы и течения, которые выступали с заявлениями и манифестами, в них они излагали своё художественное кредо, а на вечерах демонстрировали художественное воплощение своих идей.

Первым из наиболее ярких вечеров был вечер 27 февраля 1910 года — «Избрание короля поэтов». По городу были расклеены афиши, сообщавшие о цели и порядок проведения вечера:

«Поэты! Учредительный трибунал созывает всех вас состязаться на звание короля поэтов. Звание короля будет присуждено публикой всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием».

Председательствовали профессор П.С. Коган и известный клоун-дрессировщик В. Дуров, называвший себя «королём клоунов». Присутствовавший на вечере поэт С. Спасский описал его в своих воспоминаниях:

«Зал был набит до отказа. Поэты проходили длинной очередью. На эстраде было тесно, как в трамвае. Маяковский выдавался над толпой. Он читал “Революцию”, едва имея возможность взмахнуть руками. Он заставил себя слушать, перекрыв разговоры и шум... Но “королём” оказался не он.

Северянин приехал к концу программы. Стоял в артистической, негнувшийся и “отдельный”.

— Я написал сегодня рондо, — процедил он сквозь зубы вертевшейся около поклоннице.

Прошёл на эстраду, спел старые стихи из своего сборника “Громокипящий кубок” 1913 года. Выполнив договор, уехал.

Начался подсчёт записок. Маяковский выбегал на эстраду и возвращался в артистическую, посверкивая глазами. Не придавая особого значения результату, он всё же увлёкся игрой. Сказывался его всегдашний азарт, страсть ко всякого рода состязаниям.

— Только мне кладут и Северянину. Мне налево, ему направо.

Северянин собрал записок немного больше, чем Маяковский. “Король шутов”, как назвал себя Дуров, объявил имя “короля поэтов”. Третьим был Василий Каменский».

Еженедельник «Рампа и жизнь» писал в статье о прошедшем в Политехническом вечере: «Часть аудитории, желавшая видеть на престоле г. Маяковского, ещё долго после избрания Северянина продолжала шуметь и нехорошо выражаться по адресу нового короля и его верноподданных».

«Футуристы, — читаем дальше у Спасского, — объявили выборы недействительными. Через несколько дней

Северянин выпустил сборник, на обложке которого стоял его новый титул. А футуристы устроили вечер под лозунгом «Долой всяких королей»».

С «Избрания короля поэтов» началась целая череда поэтических вечеров в Большом зале Политехнического музея, на которых поэты и публика вступали в прямой диалог; приговор — поддержка, одобрение или неприятие — выносился тут же. Никогда ещё поэты не стояли так близко к своему читателю и не ощущали его так явственно.

Вечера носили общее название — «Вечера новой поэзии», но некоторые имели и свои, особенные: «Смотр поэтических школ», «Вечер поэтесс», «Чистка поэтов» и т. д. У всех этих вечеров было много общего: живой интерес и откровенная реакция публики, бушующие страсти и неперемные скандалы несогласных с чужим мнением. Но, несмотря на анекдотичность и даже скандальность некоторых эпизодов, творческая и поэтическая атмосфера этих вечеров не нарушалась.

Публика бурно выражала своё отношение к содержанию стихотворений. Голый эпатаж футуристов не находил своих поклонников, и Бурлюку, одному из основоположников русского футуризма, в течение многих вечеров не удалось дочитать до конца одно и то же стихотворение: аудитория начинала так громко выражать своё неодобрение, что ему приходилось уходить со сцены. А когда на сцену вышел пролетарский поэт Ф. Шкулёв и начал читать своё популярнейшее стихотворение «Мы — кузнецы», весь зал тут же подхватил: «...и дух наш молод» — и дочитал до конца вместе с автором.

Поистине легендарным литературным вечером стала прошедшая в январе 1922 года так называемая «чистка поэтов». Официально вечер назывался «Маяковский чистит поэтов». На него приглашались «поэты, поэтессы и поэтессенки», тех, кто не явится, обещали «чистить» заочно. В этот вечер в Политехническом была вся литературная Москва.

«В вечер “чистки”, — вспоминает Э. Миндлин, — народу в зале набилось больше, чем когда бы то ни было. Стояли у стен, в проходах, сидели на ступеньках амфитеатра, на полу перед эстрадой и даже на эстраде... Публике было предложено принять непосредственное участие в “чистке” поэтов: решать вопрос о праве того или иного поэта писать стихи предстояло простым поднятием рук. Таким образом, публика сплошь состояла из судей... Трибуна ещё пуста, но в публике страсти уже кипят. Возникают споры, а то и откровенная перебранка. Среди молодых возбуждённых лиц, среди красноармейских шлемов, кожанок и шинелей — бровные воротнички небезызвестных в Москве бородачей. Тут и там — возмущённые лица почтенных литераторов и артистов, пришедших посмотреть, “до чего может дойти глумление над поэзией”...»

«Чистка» начинается по алфавиту. Маяковский разбирает стихи «не явившейся» Ахматовой, приговор: запретить на три года писать стихи, «пока не исправится».

«Покончив с Ахматовой, — продолжает Миндлин, — Маяковский перешёл к юным и совершенно никому не ведомым поэтам, добровольно явившимся на “чистку”. Они сидели рядом на скамье, вставали один за другим, читали стихи, как правило, плохие, и, очень довольные, улыбались даже тогда, когда Маяковский не-

сколькими острыми словами буквально уничтожал их и запрещал писать. Некоторых присуждали к трёхлетнему воздержанию от стихописательства, давая время на исправление. Публика потешалась, шумела, голосовала. Вообще трудно представить себе что-нибудь веселее этой “чистки” поэтов и поэтессенок. Впрочем, поэтессенок я что-то не помню».

Совсем иной характер носили «Вечера новой поэзии», на которых председательствовал В. Брюсов. Он признавал законность существования в ней разных направлений и поэтому никогда не позволял себе оскорбительных оценок чужого творчества.

Однако и брюсовские вечера не обходились без скандальных случаев. Один из самых вспоминаемых очевидцами — выступление Сергея Есенина с чтением стихотворения «Сорокоуст». Этот эпизод описан в воспоминаниях поэта А. Арга:

«Курчаво-завитой, напوماженно-напудренный, широко расставив ноги и отставив корпус назад, размахивая руками, Есенин начал читать свой “Сорокоуст”, в первое четверостишие которого входит непечатное выражение, — в нынешних посмертных изданиях оно заменяется несколькими строчками многоточий. (Эти «непечатные выражения» — слово «задница». В Полном собрании сочинений издания 1997 года они напечатаны полностью. — *Прим. ред.*)

С эстрадных подмостков оно было произнесено полным голосом и вызвало естественную реакцию аудитории:

— Долой хулигана!

— Как вам не стыдно! И это поэзия!

Свист, шум, крик был такой, что о продолжении выступления речи быть не могло. Есенин стоял молча,

голубыми своими глазами поглядывал на публику и улыбался полу-насмешливо, полу-растерянно. Он, в сущности, знал, на что идёт: непристойными словами в начале поэмы он привлекал внимание публики настолько, что мог быть уверен: обывательская публика в ожидании хотя бы новой непристойности не упустит ни одной строки из дальнейшего, а в дальнейшем-то следовали превосходные, громадного темперамента строки. Но скандал был отчаянный, обыватель, не вдаваясь в подробности, негодовал, возмущался озорством поэта.

Но недаром кораблём сего общественного мероприятия правил мудрый кормчий Валерий Брюсов. Он проявил в данном случае не только ум и такт, но ещё и великую честность поэта.

Вставши во весь рост, Брюсов поднял руку, призывая к порядку бушевавшую аудиторию. Его авторитет был велик — он был первым поэтом прежнего времени... Его не все любили, но уважали в равной мере все читатели, и старые и новые.

Так стоял он с поднятой рукой и, когда собрание наконец успокоилось, произнёс:

— Я, Валерий Брюсов, заявляю всем вам, что стихи Есенина, те, которые он сейчас прочтёт, — лучшее из всего написанного на русском языке в стихотворной форме за последние двадцать лет.

Есенин закончил чтение, и аудитория не могла не оценить замечательное его стихотворение».

Бурные литературные вечера проходили в Политехническом музее до середины 1920-х годов, затем они изменились, превратившись в официоз, жёстко регулируемый идеологической цензурой.

Андрей Белый

СОЛНЦЕ

Автору «Будем как Солнце» К. Бальмонту

Солнцем сердце зажжено.
Солнце — к вечному стремительность.
Солнце — вечное окно
В золотую ослепительность.

Роза в золоте кудрей.
Роза нежно колыхается.
В розах золото лучей
Красным жаром разливается.

В сердце бедном много зла
Сожжено и перемолото.
Наши души — зеркала,
Отражающие золото.

Василий Каменский

МАЯКОВСКИЙ

Радиотелеграфный столб гудящий,
Встолбленный на материке,
Опасный — динамитный ящик,
Пятипудовка — в пятерике.

И он же — девушка расстроенная
Перед объяснением с женихом,

И нервноликая, и гибкостройная,
Воспетая в любви стихом.

Или капризный вдруг ребёнок,
Сын современности — сверх-неврастеник,
И жрущий-ржущий жеребёнок,
Когда в кармане много денег.

И он — Поэт, и Принц, и Нищий,
Колумб, Острило и Апаш**,
Кто в Бунте Духа смысла ищет —
Владимир Маяковский наш.

Николай Асеев

СЕГОДНЯ

Сегодня — не гиль позабытую разную
О том, как кончался какой-то угодник,
Нет! Новое чудо встречают и празднуют —
Румяного века живое «сегодня».

Грузчик, поднявший смерти куль,
Взбежавший по неба дрожащему трапу,
Стоит в ореоле порхающих пуль,
Святым протянув заскорузлую лапу.

*Апаш** — с фр. хулиган.*

Но мне ли томленьем ангельских скрипок
Завешивать уши шумящего города? —
Сегодня раскрашенных ярко криков
Сплошная сквозь толпы идёт когорта.

Товарищ — Солнце! Выведи день,
Играющий всеми мускулами,
Чтоб в зеркале памяти — прежних дребедень
Распалась осколками тусклыми.

Товарищ — Солнце! Высуши слёз влагу,
Чьей луже душа жадна.
Виват! огромному красному флагу,
Которым небо машет нам!

Дир Туманный

СОНЕТ О СОВЕТСКОМ СЛУЖАЩЕМ

В углу чугунок, дышащая жаром.
На зеркале — мешки из-под пайка.
Диван. Дрова. Кастрюли. С потолка
Свисает лампа бледно-жёлтым шаром.

Нависли дни мучительным кошмаром:
«Хлеб вышел весь. Картофель есть пока...»
В душе тоска — вязка и глубока
И тело — как разбитое ударом.

А утром боль от сотен гнойных ран.
В ногах озноб и в голове туман —
Остатки безнаркозного наркоза.

Но мозг сверлит упорное: «идти!»
И он приходит — ровно к десяти
В одну из канцелярий Совнархоза.

Рюрик Ивнев

МНЕ СТРАШНО...

Мне страшно. Я кидаю это слово
В холодный дым сверкающей земли.
Быть может, ты вливал мне в горло олово
При Алексее или при Василии.
Быть может, ты, принявший имя Бирона,
С усмешек тёмною ордой,
Гнал в снежную пустырь мою слепую лиру
И, обнажённую, покачивал водой.
А может быть, с улыбкой Николая
Ты ждал меня и кутался в шинель,
В неведенье блаженном сам не зная,
Нательный крест пошлешь иль шрапнель.
На палубе лежит сухая корка хлеба,
Морозный ветер веет у руля,
Мне страшно за тебя, безоблачное небо,
Мне страшно за тебя, тяжёлая земля.

Василий Александровский

Я

Я выпил сотни солнц. И всё мне мало,
Всё мало мне. Но сердце не грустит,

Я никогда не рассыпаю жалоб
По пыльному и долгому пути.

Сегодня — даль, а завтра — плен и скорби,
Сегодня — тьма, а завтра — блеск и зной,
Но никогда своей спины не сгорбил
Я от усталости и тяжести земной.

Снега и пыль, и терпкий запах гари...
Звонят шаги. Я дерзок и упрям.
Я — всеобъемлющий, чье имя — Пролетарий,
Идущий к новым солнцам и мирам.

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Елена Данько

ШАХМАТЫ

Ходят стройные фигуры
Полям клетчатой доски:
Королевы, кони, туры,
Пешки — лёгкие стрелки.
Кони выгнулись ретиво,
Офицеры держат строй.
Шахматисты молчаливо
На доске вступают в бой.

Вот один — сыграет пешкой,
Облегчённо пот сотрёт,
Но с лукавою усмешкой
Офицера враг берёт.
И опять — сидят понуро,
Улыбаются порой.
Что футбол, что физкультура
Перед шахматной доской?!

Когда-то в Бенгале
Закаты пылали
В кровавом и чёрном дыму.
Горела пшеница

И каркала птица
Про голод, и зной, и чуму.

Страна голодала,
И старый, и малый
Плелись по дорогам, дрожа.
И тысячи нищих
Стучали в жилище,
Где жил молодой раджа.

Но заперты двери,
Раджа им не верит,
Не знает, что голод в стране.
Он гладит павлина,
Считает рубины
И ездит на белом слоне!

Голодных встречая,
Он щурит ресницы,
Сердясь, пожимает плечом.
Его кладовая
Набита пшеницей,
И голод ему нипочём.

Во дворец стучится старый нищий,
Исхудалый, чёрный — словно джинн.
Он не просит ни питья, ни пищи —
Он принёс подарок для раджи.

— Подарок? Что такое? —
Смеются сторожа,
Ведут его в покои,

Где дыни ест раджа.
Старик стоит понуро.
Дрожат в его руке
Забавные фигуры
На клетчатой доске.

Летит ездок весёлый
На вздыбленном коне.
Ступает слон тяжёлый
С палаткой на спине.
Раджа в тиаре белой
Ведёт свои полки.
Из луков мечут стрелы
Лукавые стрелки.
Встают — налево чёрный,
Направо белый строй —
И ждут, трубач задорный
Для них затрубит: «В бой!»

Смеётся князь: «Сыграть хочу,
Мне нравится игра.
Тебе за проигрыш плачу —
Пять слитков серебра.

Старик качает головой
В ответ на речь раджи:
— Раджа, пшеницы мне простой
На доску положи.
На первой клетке — два зерна,
Четыре — на второй,
На третью — восемь сыпь сполна
И вновь число удвой.

Все клетки выложи зерном,
Удваивая счёт,
И станет нищий богачом...
Хохочет князь: — Идёт!
Клянусь, для этой игры
Цена — невысока.
И на узорные ковры
Сажает старика.

Раджа взял белых, нищий — чёрных,
Всё тихо, замерли шаги.
Непримиримо и упорно
Всю ночь сражаются враги.

Вот слон стрелку готовит гибель,
Царица чёрная — в плену,
Но чёрный конь копыта вздыбил
И... горе белому слону!
Бегут стрелки, сдаются кони,
Всё ближе чёрные кружат,
Раджа бежит — за ним погоня...
И шепчет нищий: «Шах и мат!..»

Уже лучи дрожат, скользя
По тёмному ковру,
Молчит и хмурится раджа
В досаде на игру.
Старик лукаво говорит:
— Ну, что ж, раджа, плати!
И князь рабам своим велит
Пшеницы принести.
Берёт и сыплет горсть сполна

Небрежною рукой:
На первой клетке — два зерна,
Четыре — на второй.
На третьей восемь, и — пошло...
Растёт на клетках счёт,
Растёт чудовищно число...
Раджа разинул рот!

Едва покрыли ряд второй,
Уж нечем больше крыть!..
Пришлось мешки из кладовой
С пшеницей притащить.
Дошли до пятого едва —
Считать идут в амбар.
Считают день... считают два...
Раджу бросает в жар.
Не досчитать до уголка!..
У князя — ни зерна.
Пшеница вся у старика
И нищим отдана.

— Эй, стража! Бронзовую дверь
Голодным отпирай!
Все станут сытыми теперь!
Не веришь? Сам считай!
В Бенгале радостный галдёж,
Страна полна зерном.
Где силой правду не возьмёшь,
Там надо взять умом.

И пригодится нам игра,
Что нас готовит в бой,

Затем сидим мы вечера
Над шахматной доской.
И недалёк весёлый срок,
Наступит час расплат —
Раджам на запад и восток
Мы скажем: «Шах и мат!»

Карел Чапек

БОЛЬШАЯ КОШАЧЬЯ СКАЗКА*

КАК СУДИЛИ ВОЛШЕБНИКА

Когда знаменитый Сидни Холл доставил арестованного Волшебника в тюрьму, судебный процесс об украденной кошке смог наконец начаться.

За высоким столом восседал, как на троне, судья доктор Корпус Юрис, который был столь же толст, сколь и строг. На скамье подсудимых сидел Волшебник со скованными руками.

— Встань, негодяй! — крикнул ему доктор Корпус. — Ты обвиняешься в том, что похитил Мурку, королевскую кошку, здешнюю уроженку, возраст один год. Признаёшься ты в этом, несчастный?

— Да, — тихо сказал Волшебник.

— Ты лжёшь, мерзавец! — загремел судья. — Я не верю ни одному твоему слову. Какие у тебя есть доказательства? Эй вы там! Пригласите свидетельницу — нашу сиятельную принцессу.

*Окончание. Начало читайте в № 9 за 2017 г.

В зал ввели маленькую принцессу и стали допрашивать как свидетельницу.

— Принцесса, — пропел Корпус сладким голосом, — похитил этот низкий субъект вашу благородную кошку Муру?

— Да, — сказала принцесса.

— Видишь ты, злодей! — рявкнул судья на Волшебника. — Ты уличён! А теперь скажи нам, как ты её украл?

— Очень просто, — сказал Волшебник, — она сама свалилась мне на голову.

— Ты лжёшь, несчастный! — взревел судья, а потом нежным голоском обратился к принцессе: — Принцесса, как этот злодей похитил вашу сиятельную кошечку?

— Именно так, — отвечала принцесса, — как он говорит.

— Ага, видишь, разбойник! — закричал судья на Волшебника. — Итак, теперь мы знаем, как ты её украл. А зачем ты её украл, проходимец?

— Потому что кошка, когда упала, сломала себе ногу. Я взял её к себе, чтобы вправить ей ножку и забинтовать.

— Ах ты, негодник! — выпалил доктор Корпус. — Каждое твоё слово — ложь! Введите свидетеля, трактирщика из Страшнице.

Ввели свидетеля.

— Эй, трактирщик! — крикнул судья. — Что ты знаешь об этом преступнике?

— Только то, — робко отвечал трактирщик, — что он, ваша честь, пришёл в мой трактир, вытащил из-под пальто какую-то чёрную кошечку и забинтовал ей ножку.

— Гм, — пробормотал доктор Корпус, — наверно, ты лжёшь. А что он сделал потом с этим благородным животным?

— Потом, — отвечал трактирщик, — он её отпустил, и кошка убежала.

— Ах ты, истязатель животных, — набросился судья на Волшебника, — ты её отпустил только для того, чтобы она могла убежать! Где сейчас находится королевская кошка?

— Скорее всего, — сказал Волшебник, — она убежала туда, где родилась. Кошки обычно так поступают.

— Ах ты, бесстыдник, — загремел судья, — ты меня ещё учить будешь? Принцесса, — обратился он сладким голосом к принцессе, — во сколько вы оцениваете вашу высокодрагоценную киску?

— Я бы её и за полцарства не отдала, — объявила принцесса.

— Ты видишь, негодяй, — бешено рявкнул судья, обернувшись к Волшебнику, — ты украл полцарства! За это, несчастный, тебя ждёт смертная казнь.

Принцессе стало жалко Волшебника.

— Пожалуй, — быстро сказала она, — я бы отдала Муру и за кусок торта.

— А сколько стоит кусок торта, принцесса?

— Ну, — сказала принцесса, — ореховый торт стоит пять крейцеров, земляничный — десять, а сливочный пятнадцать крейцеров.

— А за какой торт отдали бы вы вашу Муру, ваше высочество?

— Я думаю, за сливочный, — отвечала принцесса.

— Ах ты, убийца! — закричал судья на Волшебника. — Выходит, стало быть, что ты украл пятнадцать крейцеров! За это ты, бандит, отправляешься, согласно закону, на три дня под арест. Марш, негодяй! На три дня под арест, негодяй, вор и разбойник!.. Дорогая принцесса, —

обратился доктор Корпус снова к принцессе, — имею честь поблагодарить вас за ваши мудрые и точные показания. Передайте, пожалуйста, вашему батюшке королю всеподданнейший привет от его верноподданнейшего, вернейшего и справедливейшего судьи доктора Корпуса Юриса.

КОНЕЦ СКАЗКИ

Когда принцесса услышала, что кошка Мура, вероятно, убежала туда, где она родилась, она немедленно отправила верхового гонца к избушке старой бабушки.

Гонец поскакал — только искры из-под подков брызнули, и глядь — перед хижинкой сидит бабушкин внучёк и держит чёрную кошку на руках.

— Вашек! — крикнул гонец. — Принцесса требует свою кошку назад.

Ах, как жалко было Вашеку расставаться с Муркой! Но он сказал:

— Господин гонец, я принесу её принцессе сам.

Вашек посадил Мурку в мешок и побежал с ней во дворец напрямёночке к принцессе.

— Принцесса, — сказал он, — вот я принёс нашу кошку. Если это ваша Мурка — пусть она у вас и останется.

Вашек развязал мешок, но Мурка не выскочила из него так весело, как когда-то из мешка бабушки. Бедняжка хромала.

— Я не знаю, — сказала принцесса, — наша это Мурка или нет. Мурка совсем не хромала... Ой, знаешь что? Мы позовём Буфку!

Когда Буфка увидел Муру, он от радости завилял хвостом так, что ветер засвистел.

— Это Мура! — закричала принцесса. — Буфка её узнал! Вашек, что же мне тебе дать за то, что ты мне её принёс?

Вашек покраснел.

— Ну говори, говори, — ободряла его принцесса.

— Мне совестно, — упрямылся Вашек.

Тут покраснела принцесса.

— А почему? — прошептала она. — А почему тебе совестно это сказать?

— Потому, — сказал Вашек несчастным голосом, — потому что ты мне всё равно этого не подаришь.

Принцесса покраснела, как роза.

— А если я всё-таки подарю? — сказала она смущённо.

Вашек затряс головой:

— Не подаришь!

— А если всё-таки?

— Нет, не подаришь, — сказал Вашек грустно. — Ведь я же не принц.

— Ой, погляди вон туда! — вдруг закричала принцесса.

И когда Вашек оглянулся, она встала на цыпочки и поцеловала его в щёку. Прежде чем Вашек опомнился, она уже убежала в угол, схватила Мурку и спрятала лицо в её шёрстке.

Вашек весь так и вспыхнул и просиял.

— Награди вас Бог, принцесса, — сказал он. — Ну, а теперь я пошёл.

— Вашек, — прошептала принцесса, — это то, чего ты хотел?

— Да, принцесса, — закивал Вашек головой.

Но тут в покои вошли фрейлины, и Вашек поскорее убежал.

Весело бежал он домой. Только в лесу он задержался, чтобы вырезать ножиком из коры кораблик.

Но когда он прибежал домой, Мурка сидела на пороге и умывалась.

Вашек вскрикнул от изумления:

— Бабушка, да ведь я только что отнёс Мурку во дворец!

— Ну что ж, малыш, — сказала бабушка, — такая уж кошачья природа. Придётся тебе завтра утром опять отнести её принцессе.

Поутру Вашек снова побежал с Муркой во дворец.

— Принцесса, — сказал он, запыхавшись, — вот я Мурку опять принёс, она от вас убежала, проклятущая кошка, и прибежала прямо к нам.

— Как ты быстро бегаешь, мальчишка, — сказала принцесса, — прямо быстрее ветра!

— Принцесса, — сказал Вашек, — хотите, я вам подарю этот кораблик?

— Давай сюда, — сказала принцесса. — А что тебе сегодня дать за Мурку?

— Не знаю, — отвечал Вашек и покраснел до корней волос.

— Ну скажи, — прошептала принцесса и покраснела ещё сильнее его.

— Не скажу.

— Нет, скажи.

— Нет, не скажу.

Принцесса опустила голову и стала ковырять пальцем кораблик.

— Может быть, — спросила она наконец, — может быть, то же, что вчера?

— Может быть, — выпалил Вашек.

И, получив своё, он довольный побежал домой. Только в ивняке он немного задержался, чтобы вырезать хорошенькую звонкую дудочку.

А когда он пришёл домой — Мурка сидела на пороге и разглаживала себе лапкой усы.

Утром Вашек опять побежал во дворец.

— Принцесса! — закричал он ещё в дверях. — Мурка опять к нам прибежала.

Но принцесса рассердилась и ничего не сказала.

— Погляди-ка, принцесса, — продолжал Вашек, — какую я хорошенькую дудочку вчера сделал.

— Давай сюда, — сказала принцесса, но личико у нее всё ещё было сердитое.

Вашек переминался с ноги на ногу, не понимая, на что принцесса сердится.

Принцесса попробовала дудочку и, услышав, как она красиво звучит, сказала:

— Ты хитрюга. Я знаю, что ты нарочно это с кошкой устраиваешь, чтобы... чтобы... чтобы опять получить то же, что вчера.

Тут Вашек очень огорчился, схватил свою шапку и сказал:

— Ну, если вы так думаете, принцесса, что ж, хорошо, тогда я больше никогда не приду.

Грустный-прегрустный побрёл Вашек домой. Но едва он туда пришёл, как увидел Мурку. Вашек сел на порог, взял её на руки и молчал.

И тут вдруг — цок-цок-цок — прискакал королевский гонец.

— Вашек! — крикнул он. — Король велел тебе сказать, чтобы ты принёс Муру в замок.

— А зачем? — сказал Вашек. — Кошка ведь всё равно возвращается туда, где она родилась.

— Но принцесса велела тебе сказать, Вашек, — сказал курьер, — что тогда ты приноси кошку каждый день.

Вашек покачал головой:

— Я же ей сказал, что больше не приду!

Тут старушка вышла из дому и сказала:

— Господин гонец, собака привыкает к человеку, а кошка привыкает к дому. И, видно, наша Мурка никуда из этого домика не уйдёт.

Гонец повернул коня и поскакал во дворец.

А на следующий день огромный, запряжённый целой сотней лошадей воз остановился перед бабушкиной избушкой. Кучер слез с козел и закричал:

— Бабушка! Король-батюшка повелел вам сказать, что если кошка привыкла к дому, то я должен привести вместе с кошкой и домик, и вас, и Вашека заодно. Во дворцовом парке хватит места для вашего домишка.

Пришло множество людей, они помогли погрузить домик. Кучер щёлкнул кнутом, крикнул «но!», сотня лошадей тронулась, и воз и домик поехали во дворец, а на возу перед домиком сидели бабушка, Вашек и Мура. Тут-то бабушка и вспомнила, что когда-то матушка короля видела во сне, что Мурка приведёт во дворец будущего короля и приедет он со всем своим домом. Вспомнить она вспомнила, но сказать ничего не сказала. Встретили их во дворце с большой радостью, домик поставили в саду, и, уж конечно, Мурка теперь и не думала никуда убегать. Она жила с бабушкой и Вашеком, как у себя дома. А принцесса, когда хотела с ней поиграть, сама отправлялась в маленький домик. И, видно, она очень любила Мурку, потому что приходила каждый день. Принцесса и Вашек стали лучшими друзьями.

А что случилось потом, то уже к нашей сказке не относится. Но если Вашек и вправду стал потом королём в этой стране, то случилось это, ребята, не из-за кошки и не из-за его дружбы с принцессой, а из-за больших и славных дел, которые Вашек, став взрослым, сделал для блага своей страны.

ЧУЖИЕ ОКНА*

ЛОВУШКА ДЛЯ ДИНОЗАВРА

Настя улыбнулась. Ситуация, похоже, налаживалась. Не она малыша, а малыш её развлекать будет. Девочка встала на стул, пошарила на антресолях... Как хорошо, что мама не выкинула... Вот он, прозрачный пакет с огрызками карандашей и треснутая коробочка с засохшей акварельной краской. В пол-литровую банку Настя налила холодной воды, освободила стол... Что ещё? Ах, да, бумага... Жаль, пачка её к концу года закончилась.

— Что рисовать будешь? — спросила она Вовку, перебирая детские свои рисунки, снятые с антресолей.

— Ловушку для динозавра.

— Ловушку? — удивилась Настя.

— Ловушку, — уверенно сказал Вовка. — Я хотел бы иметь динозавра. А то у нас только Феня и черепахи.

— А как же ворона?

— Ну её, — вздохнул Вова.

Настя продолжала ворошить бумажную стопку. Этот лист вроде ничего, сгодится. Едва тронутый карандашом, с солнышком в правом верхнем углу.

— Держи, — протянула она его мальчику.

— На этом рисовать не буду, — нахмурился тот.

«Бей в ухо», — вспомнилось Насте.

— Сейчас я солнышко сотру, — сказала она, берясь за ластик, — и лист будет как новый.

*Окончание. Начало читайте в № 7 за 2017 г.

— Не хочу.

— Почему?

— Он же старый, я видел... — закапризничал Вовка.

— А это видел?! — Настя скомкала листок. Спокойно и решительно. На миг ей вспомнилась Анна Михайловна из музыкалки. «Я тебя, милоч, предупреждала...»

— Возьми, — протянула она малышу на ладони плотный бумажный шарик.

Вовка потрясённо молчал.

— Сейчас мы его разгладим и ты нарисуешь на нём лучшую в мире ловушку для динозавра... Идёт? — спросила Настя, берясь за торчащий из шарика бумажный уголок.

— Идёт, — согласился тот, заворожённо наблюдая за тем, как белый бумажный бутон распускается, словно цветок.

— Работай, — Настя положила лист прямо перед Вовкой.

Вовка разгладил его локтем и взялся за простой карандаш. Задумался...

Настя пошла на кухню чистить картошку.

ОТКРЫТЫЙ КОСМОС

Старые рисунки, которые она оставила на диване, не давали ей покоя, поэтому картошку она чистила, вздыхая и временами останавливаясь. Да, рисовать она когда-то любила. И у неё неплохо получалось. Правда, к её успехам родители относились до обидного спокойно. Малюет ребёнок и малюет. Чем бы ни тешился... Собственно, она и рисовать бросила после скептического замечания отца. Если рассказать кому, будут смеяться. Особенно если вспомнить, с чего всё началось...

А началось с того, что однажды ночью на даче она вышла в туалет. Идти было страшно, но никого будить она не стала, открыла дверь и в кромешной темноте пошла по узкой дорожке в известном направлении. Пробыв в отхожем месте с минутку, распахнула дверь — и удивительная картина открылась ей. Из их дачного туалета и сейчас открывается вид на реку, но то ощущение, какое она испытала тогда, больше не повторилось. Чёрное небо, усыпанное звёздами, и огни на чёрной реке создавали впечатление, будто шагнула она в открытый космос. Никакой линии горизонта, никакого перехода от земли к небу. Вверху, внизу и вдали лишь чернота и светящиеся точки.

Несколько дней потом Настя рисовала эту картину. Поначалу с пылом, потом всё более охладевая к работе из-за очевидной невозможности воплотить увиденное. Вся красота терялась, получалось плоско: на измазанном чёрной краской листе жёлтые точки. Последний удар неожиданно нанёс ей отец: «Только бумагу изводишь, Настюха... Это что, эскиз фантика?» На её молчаливую обиду и внимания-то не обратили. Бурно выражать свои чувства, выяснять отношения у них в семье принято не было.

Дочистив последнюю картофелину, Настя подержала её под струёй воды и в сердцах бросила в кастрюлю. Нет, когда родится братишка, она воспитает его иначе... Открытым, весёлым. Уж она внушит ему уверенность в своих силах, будет к нему внимательней.

Кто-то дёрнул её за фартук. Вовка с законченным рисунком. Что он там собирался нарисовать? Ловушку для динозавра?

НРАВИТСЯ?

— Нравится?..

Вопрос Вовки поставил её в тупик. Что ответить?.. Сам он, похоже, невероятно горд результатом.

— Да...— неуверенно протянула она.

Нет, она, конечно, слышала от Сёмы, что Вова рисует непонятные «схемы» и «чертежи», но увидела их собственными глазами впервые... Вот кривенький прямоугольник, от которого идёт несколько узких коридоров. То ли трубы, то ли...

— Что это? — поинтересовалась девочка.

Вовка принялся объяснять. Первые пять минут Настя честно пыталась вникнуть, потом бросила. Колодец, вентиляционное отверстие, система сигнализации, подземные ходы, засовы с множеством ключей... Замысел, похоже, грандиозный, а вот исполнение... В лупу не разглядишь. И не рисунок это вовсе. Настя была так удивлена, что притворяться, подыгрывать ребёнку не стала.

— Ты ничего не понимаешь ни в ловушках, ни в динозаврах, — с обидой сказал ей Вовка.

Некоторое время они сидели молча. Настя исподтишка взглянула на мальчика, он заметил это и закусил губу. Дуется... Настя размочила оранжевую и жёлтую краски, взяла в руки кисточку. Для начала нарисовала ломаную линию — гребень динозавра. Вслед за гребнем на листе появился длинный изогнутый хвост, круглый живот, смешные ножки... Осталось самое трудное — голова. Настя положила перед собой книжку, которую принёс Вовка. Ну и страшилище!.. Нет, срисовывать такого она точно не будет. Она нарисует другого — доброго. Чтобы ел травку, ромашки и кашки.

Работа спорилась, появился азарт. Надо же, несколько лет не рисовала, а кисточка ей послушна, а руки помнят...

— Красивый, — великодушно одобрил её динозавра Вовка.

— Потому что улыбается, — объяснила Настя.

НА ДАЧУ

— Я еду на дачу, — заявила она возвратившимся с ведром своей клубники родителям.

— Случилось что? — встревожилась мама. Отец удивлённо хмыкнул.

— Вам не угодишь, — сказала дочь. — Не едешь на дачу — плохо, и едешь — тоже плохо.

— Да хоть завтра, — просветлела лицом мама.

— Послезавтра, — уточнила Настя.

Завтра ей должны были заплатить за её месячное курьерство. И она знала, что на сарафан, который она присмотрела в одном из отделов универмага «Московский», она, скорее всего, «забьёт», а вот акварельные краски, и мелки, и набор кистей, и бумагу для рисования купит обязательно.

Заплатили неожиданно меньше, вычтя немалую сумму за проездной.

— Забудь, — сказал папа. И добавил: — Кстати, с тебя причитается.

— Причитается? — удивилась дочь.

— С первой полочки... — задумчиво сказал папа. Мама замахала было на него руками, но он серьёзно пояснил: — За тобой торт.

Деньги таяли на глазах. Стоя у длинной витрины, за которой были выложены и шоколадные, и песочные, и

бисквитные торты, Настя решала задачку посложнее, чем в учебнике физики. Девочке хотелось купить и «Земляничную поляну», и «Персидскую ночь»... Отдельного внимания заслуживали пирожные «на один укус» и её любимое миндальное печенье.

Одна из продавщиц стала двигать вчерашние торты, освобождая место для только что поступивших

— Гляди, какой, — показала она напарнице огромный торт с наливным яблоком посередине. — «Летняя симфония».

— Этот, пожалуйста, — неожиданно сказала Настя.

Одна мысль о том, сколько такое великолепие стоит, заставляла жмуриться. Однако первая покупка обзывала.

— Ну ты и размахнулась, — произнёс папа, с весёлым удивлением глядя на дочь. — Мне вас завтра на дачу везти... кто всё это есть станет?

— За два часа дороги не испортится, — сказала мама.

СЕРЕДИНА ЛЕТА

— Юля-а! — крикнула Настя, подойдя вплотную к Юлькиному забору.

Та выглянула на крыльцо с полотенцем на голове. Она так искренне и горячо обрадовалась, что Настя поневоле задумалась, не много ли она потеряла, проведя половину лета в городе.

Зашли на Юлькину веранду с множеством разноцветных весёлых стёкол. Юлька уселась на топчан, поджав под себя ноги. Полотенце, закрученное в чалму, и махровый полосатый халат шли ей необыкновенно, подчёркивали узкий разрез глаз и широкие странные скулы. Настя не от одного знакомого слышала о том, что Юля

дурнушка, и всякий раз удивлялась. Впрочем, это был не первый случай, когда её мнение о чьей-то внешности не совпадало с общим. Вот ведь и Лёнька не казался ей красавцем...

— Ты надолго? — спросила Юлька, раскручивая чалму.

Настя пожала плечами:

— Может быть.

— Ты ведь в начале июня уехала? — что-то в уме прикидывая, спросила Юлька. — Потому, конечно, не в курсе.

— Случилось что?

— Не в курсе, — повторила Юля и продолжила: — Костры помнишь? У трёх берёз...

Настя кивнула.

— С них и началось. За «ковбоями» бабушка пришла, такого потом родителям порассказала... И чего было, и чего не было. Прикинь, час стояла за деревом и слушала... — Юля взглянула на Настю. — Была бы ты с нами, тебе бы тоже досталось, заодно. Такой крик стоял... Маринку отец в Москву забрал, «ковбои» в спортивном лагере, за нашими с Николашей спинами тётки шепчутся... Нет, ты не думай, — объяснила она подружке, — я бы на тех кострах не задержалась. Да и Николаша не дурак. — Юлька сокрушённо покачала мокрой головой.

— В общем, нет больше нашего костра, — тихо сказала Настя.

— Нет, — подтвердила Юлька. — Брёвна сожгли, кострище засыпали землёй.

— А лодка? — спросила вдруг Настя, вспомнив о лодке, на которой катал их когда-то Николаша.

Юля радостно закивала.

ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО

Был у них в прошлом году любимый маршрут. Далёкий, в расчёте на пацанов, потому что девчонки грести бы туда устали. К истоку маленькой речки, мелеющей год от года. Речушка кружила, выбиваясь из сил, преподносила сюрприз за сюрпризом. То текла под нависающим низко обрывом, то терялась в зарослях осоки, то устраивала запруды... Самым волнующим был последний пункт маршрута — узенький деревянный мосток, под которым лодка бы не прошла, а волоком тащить её по берегу смысла не имело, такой мелкой делалась за мостком речка.

Вот и пригорок, на котором растут высоченные сосны. Каждый раз, оказываясь тут, Настя садилась у их мшистых подножий. Место казалось заколдованным. Девочка никогда не пускалась в обратный путь без подарка, будь то цветок, шишка или кустик лесной земляники. Вот и сейчас она заметила крошечный, только что вылезший из земли белый гриб. Настя поискала вокруг. Родственников у новорождённого не оказалось. Настя прилегла рядом с грибом, прижалась щекой к колкой от хвои земле. Когда-то она верила, что, если лежать так долго, гриб перестанет тебя бояться и вырастет на глазах. Вот и сейчас она затаила дыхание...

— Ты чо?

Девочка подняла голову. Над ней, в солнечном нимбе, сияла кудлатая башка Николаши. Настя скользнула глазами вниз, к Николашенским кроссовкам. Огромного размера, они стояли перед ней чуть косолапо, носками внутрь.

— Тебе плохо? — забеспокоилась подошедшая к ним Юлька.

— Гриб нашла, — неохотно поднимаясь с земли и стяхивая с себя хвою, объяснила Настя.

Николаша присел на корточки.

— Где?.. А-а-а... Мал ещё, — снисходительно сказал он. — Пусть растёт дальше. А местечко мы запомним. — И он положил поверх гриба сосновую ветку.

ЭТЮД

Всю дорогу назад Настя помалкивала. Она боялась расплескать, не донести до дома чувство, какое охватило её в «заколдованном месте». Уж дома она нарисует. И могучие корни сосен, похожие на когти сказочной птицы, и гнома, склонившегося над грибом. Однако как подступиться к рисунку, она не знала. Неудача со звёздным небом помнилась. Рисовать тянуло, но было страшно.

Настя вышла на крыльцо. Мама в бежевой шали вязала в кресле пинетки для будущего малыша. Такая округлая, мягкая, милая ... Настя с карандашом в руках присела на низенькую скамеечку, чуть наискосок от мамы. Та повернула голову, улыбнулась...

Настя рисовала и рисовала, поочерёдно взглядывая то на маму, то на работу. Никаких больших задач перед собой она не ставила, ей просто хотелось нарисовать похоже. Этюд, как бы это назвали в музыкалке.

Пришлось сбегать за ластиком. Линия контура не получалась, её приходилось всё приближать и приближать к правильной. Немалых трудов стоило Насте нарисовать нос. Не так, как рисуют дети (скобка с точкой), а так, как увидела. Девочка чуть растушевала рисунок пальцами. Кажется, получилось, есть в этой женщине что-то неуловимо мамино...

— Галя, — взглянув на рисунок, мгновенно признал отец.

В следующий раз он привёз дочери книгу «Основы рисунка». Настя перелистала её с интересом и отложила в сторону. Ей хотелось рисовать, как маленькой, впечатления переполняли её. Она вернётся к книжке, но не сейчас. Ведь тот же французский она бы выучила игрушки, если бы разговаривала на нём, и никакой учебник французского ей бы не понадобился.

Она рисовала и рисовала. Дом в три окна, букет лилий на столе, заросшую диким виноградом беседку...

Попыталась нарисовать она и гнома, с фонарём в руке склонившегося над грибом. Фонарь она приглядела на участке у соседей, срисовала, стоя у забора.

— Похоже, — заглянула ей через плечо соседка. — Ты не в художественную ли школу собралась поступать?

Настя, не раздумывая, кивнула. Она рисует просто потому, что ей так хочется. Но надо ли кому-то это объяснить?

— Настенька... — Нина Ивановна замялась. — У меня завтра день рожденья, я и родителей твоих пригласила, предупредила, чтобы никаких подарков... Но можно тебя лично попросить... — Настя кивнула. — Нарисуй мне мой дом, чтобы я могла его в рамочку — и на стенку.

В РАМОЧКУ — И НА СТЕНКУ

Девочка задумалась. Справится ли она? Она и рисовать-то толком не умеет, если по правде.

Поднявшись в свой «скворечник», как называли её комнату на втором этаже родители, Настя выглянула в окно. Соседний участок виден был отсюда с высоты птичьего полёта. Девочка села на подоконник, подложила под большой лист бумаги книгу «Основы рисунка» и приня-

лась за работу. Контуры дома, крыша, окна, двери, электрический провод, протянутый в дом от столба. Большая чугунная ванна, поставленная перед домом с тем расчётом, чтобы дождевая вода с крыши стекала прямо в неё. Сколько Настя себя помнит, столько эта ванна здесь и стояла. Долгое время девочка была уверена, что зовут соседку Нина Ванна, вот ведь она, ванна её...

Дом Нина Ванна в прошлом году покрасила, но лишь наполовину. «Ну да, она ещё говорила, что лестницы у неё высокой не нашлось!» — вспомнила Настя и задумалась, раскрашивать ли дом на рисунке целиком или изобразить всё как есть? Поколебавшись, девочка выбрала последнее. Нарисовала и забытые посреди дорожки садовые грабли, и компостную кучу, и покосившийся туалет, и доски, сваленные без разбора в дальнем углу участка.

Она сидела на окне до самой темноты, заканчивая рисунок. Сама она им в целом была довольна, но вот что скажет Нина Ванна?

— Только названия не хватает... Напиши сверху: «Фазенда», — посоветовал отец, вспомнив слово, каким соседка в шутку называла своё хозяйство.

«Фазенда?..» Это слово диссонировало с рисунком. Настя задумалась. Вроде бы и работа закончена, однако что-то продолжает её мучить... Что?..

«Фазенда»... Слово какое-то... Опереточное.

Второй вариант дома Настя рисовала на следующий день по-иному, «из головы». Контуры самого дома она сохранила, однако раскрасила его целиком, и не голубым, а лазурным цветом. В одном из открытых окон изобразила букет, в другом — рыжего кота соседки. Под крышей дома нарисовала гнездо, которое свили у неё в

этом году ласточки. Не забыла и про памятную ей ванну. В ванне сидел квартет лягушек — каждая широко открывала рот. Под любимой яблоней Нины Ванны стояла Дашка — трёхлетняя её правнучка. Сверху была нарисована приколоченная к соседской калитке подкова. На подкове значилось: «Фазенда».

— Нахально, — усмехнулся отец, и Настя поняла, что это похвала.

Долго рассматривала рисунок и мама. С сомнением спросила:

— А не обидится?

— Да тётка вроде с юмором, — понадеялся папа.

ПРАЗДНИК НА ФАЗЕНДЕ

Чего Настя не любила, так это вовремя приходиться с родителями в гости. Эти полчаса-час ожидания опоздавших, дежурные ответы на дежурные вопросы... Однако родители были людьми точными. После недолгих раздумий, срезать ли именинице букет лилий, отличающихся от её собственных лишь цветом (срезать, а как же!), Средовы в полном составе в назначенное время стояли у калитки, к которой была прибита подкова.

Соседка вышла к ним незнакомо нарядная, решительно отвергла попытки мамы помочь ей чем-нибудь («Галя, ты меня обижаешь...»), сразу же принялась искать вазу для подаренных ей лилий, в общем, захлопотала. На террасе её дома уже сидели несколько тёток, сразу отметивших, насколько же Настя за это лето выросла.

Никакого преувеличения здесь не было. В это лето и деревья пустились в рост. Сосенка, три года тому назад посаженная отцом, подрастила верхушку настолько, что тот заволновался, как бы случайно севшая на неё птица

не обломила её. Большие побеги дал и жасмин, доросший до Настиного «скворечника», и каштан, оформившийся наконец в дерево. У дверного косяка бывшей бабушкиной комнаты сохранились карандашные метки, бабушка каждое лето проверяла, насколько внучка подросла за лето. Этой традиции два года как не следовали. Но и без карандашных меток Настя видела, что джинсы ей коротки, а кроссовки малы. Она и маму уже обогнала...

Тётки, собравшиеся на террасе, говорили о погоде, об огурцах и кабачках, делились опытом выращивания в Подмосковье арбузов, сетовали, как мало в этом году вишни. Гости прибывали и прибывали. Вот и бабушка «ковбоев». Без внуков. Где они, в спортивном лагере? Да были бы «ковбои» и на даче... Двое это вам не один, двое упрутся так, что их и на аркане на подобное мероприятие не затащишь...

«Ни одного ровесника», — грустно отметила про себя девочка.

Сели за стол, налили капельку вина и ей. Тосты проносились вполне традиционные: «за прекрасного человека», «за здоровье», «за чудесные салаты»... Подарки были под стать «фазенде»: банка закатанного салата, варенье, сваренное сразу из смородины, малины, клубники и крыжовника, всевозможный садовый инвентарь... И всё с подробными рецептами, воспоминаниями и шутками-прибаутками. Мужчин на празднике было мало, и мама уже выразительно глядела на отца. Тот встал, оправил рубашку, взял из рук дочери два рисунка, вложенных, чтобы не помялись, в старый номер журнала «Огонёк», вспомнил, как начинали дачу, как торчали на грядках с утра и до ночи. В завершение

речи он обнял Нину Ивановну и вручил ей Настины рисунки. Та надела очки. Стала рассматривать первый.

— Ой, ой! — приговаривала она. — Всё точно, даже тележку мою нарисовала, даже грабли заметила... — конфузливо покосилась она на облепивших её соседок.

Пришла очередь и для второго рисунка. Нина Ивановна разглядывала его тихо, абсолютно молча, странное выражение росло у неё на лице, губы стали подрагивать... Настя глядела на неё с беспокойством.

— Нина Ивановна, — забеспокоился отец, — это, собственно, шутка...

Нина Ивановна махнула на него рукой и заплакала.

СИЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ

— Нин, ты чего? — недоумевали соседки, передавая из рук в руки Настин рисунок.

— Отдайте, это не вам нарисовали, — сказала, вытирая платком глаза, Нина Ивановна. — Спасибо тебе, деточка. Жаль, бабушка твоя, Елизавета Сергеевна, не дожила. Она бы порадовалась... — Нина Ивановна готова была заплакать снова.

Настя потрясённо молчала. «Неужели то, что я нарисовала, способно вызвать такие сильные эмоции?»

— Александр Григорьевич, какие таланты у вашей дочки! Пусть и нам нарисует!

— Нарисуешь нам, а, Насть? — со всех сторон слышала девочка.

— Я не умею, — ответила она наконец.

— Ну да... Видели! Не умеешь, как же... — продолжали настаивать женщины.

— Да будет вам, — сказала Нина Ивановна, поднимаясь из-за стола. — Не сейчас же она рисовать вам ста-

нет... Помоги мне с чайной посудой, — кивнула она растерянной Насте.

Они прошли на кухню. Нина Ивановна распахнула дверцу старого буфета, принялась доставать чашки, пиалы и стаканы...

— Вот, — сказала одна из женщин, когда Настя с подносом, уставленным посудой, вошла в комнату, — ведь есть у нас ещё достойная молодёжь.

— Она нормальная девочка, — с досадой заметил Александр Григорьевич.

Мама поддержала его:

— Да и вообще, ребята у нас в посёлке...

— Не скажите, — встряла в разговор бабушка «ковбоев». — Вас это, конечно, не коснулось, но ночные костры, этот алкоголь, это курение, эти разговоры... — Бабушка «ковбоев» сделала паузу.

— О чём же они говорят? — с интересом спросила одна из женщин. — Марина Витальевна, вы, говорят, слышали?

— Неудобно повторять, — ответила бабушка «ковбоев».

«О чём же на том костре говорили?» — задумалась и Настя, но вспомнить так и не смогла.

— У меня знакомая, — сказала одна из женщин, — нашла дневник дочери. Прочитала — пришла в ужас. Там такое!..

— О мальчиках? О сексе?

— Если бы... — вздохнула женщина. — Это ещё цветочки... Там такая ненависть... К родителям, к бабушке...

«Хорошо, что я не веду дневника», — подумала Настя. Ничего такого она бы не написала, но сама мысль, что кто-то может рыться в её личных вещах...

— И, конечно, очень распущенно ведут себя девочки, — сказала бабушка «ковбоев». — Особенно эта, кудрявая...

«Маринка», — поняла Настя.

— И Юля, страшненькая такая. Куда родители смотрят, принесёт она им в подоле...

— Мы Юлю с детства знаем, — сказала мама. — Хорошая девочка.

— Значит, случись что, мальчик виноват будет? — возмутилась «ковбойская» бабушка. — Зря вы за эту Юлю заступаетесь. Ваша девочка никогда бы на подобном костре не оказалась. Это немыслимо.

— Я была там, — сказала Настя.

— Когда? — не поверили ей.

— И в прошлом году, и в этом...

— Я тебя там не видела, — отрицательно покачала головой бабушка «ковбоев».

— А я вообще такая, — вызывающе ответила Настя, — незаметная.

ПРОТИВ ШЕРСТИ

Она была недовольна собой. Надо было осадить эту бабушку сразу и порезче... «Прикинь, час стояла за деревом и слушала», — вспомнились ей слова Юльки.

Что же эта бабушка тогда не выступила?.. Анна Михайловна из музыкалки уж на что не подарок, но она выскажет всё в лицо, сразу. А эта действует исподтишка... Всех её друзей грязью облила... Зато сколько похвал ей, Насте, от этих тёток досталось. Ах, какая девочка. Скромная, правильная. Рисует... Вышивает, подумалось девочке с досадой... Надо было встать и уйти. Почему же она этого не сделала? Нину Ванну

огорчать не захотела? Всё-таки у той праздник. Или смалодушничала?..

«Даже рисовать не тянет, — с удивлением отметила она. — Как они сказали? Волосы у меня виться стали?»

Настя подошла к зеркалу, собрала волосы в хвост. А может, постричься коротко? Подвести черту под девочкой, над которой умиляются бабушки? И ходить далеко не надо, Юлька своего отца сама машинкой стрижёт...

— Под мальчика, — попросила она Юльку.

— Случилось что? — сочувственно глянула на неё та. Настя неопределённо пожала плечами.

— Жарко... Надоели, — досадливо тряхнула она волосами.

— Под мальчика так под мальчика, — не сразу согласилась Юлька. — Только очень уж много снимать не буду... Мальчики — они ведь тоже разные бывают.

— Зачем? — Мама глядела на стриженую Настю чуть не плача.

Не одобрил столь радикальной стрижки и отец.

— Отрастут, — глядя себя по макушке «против шерсти», сказала дочь.

АВГУСТ

Такой самостоятельной, как сейчас, она не чувствовала себя никогда. Вставала, когда хотела. Помогала по хозяйству маме, быстро и рационально, не заморачиваясь отказом, но и без особой тщательности. Загорала с друзьями на речке, читала, плавала. И внимательно глядела вокруг.

«А ты интереснее, чем я думал», — сказал ей один из «ковбоев», вернувшийся из «ссылки» на дачу. С надеждой ждал он того времени, когда Юлька с родителя-

ми уедет на море. Однако и с отъездом подружки скучно Насте не стало.

Вечерами она уходила с Мотей из дома. За два месяца жизни на даче кот совершенно освоился. Возвращался с прогулки, как и полагается коту, лишь под утро. Возникал в дверях красиво, с поднятым вертикально вверх хвостом. Дрых, развалившись в кресле, царственно позволяя Насте рисовать себя. Просыпаясь, требовал есть, скребя по углу стола лапой, грациозно прыгал вокруг клубка... И каждый раз Насте казалось, что это не она, а он с ней играет...

По тропинке, через поле, шли они вечером к лесу. Кот бежал, чуть пригнувшись, впереди, время от времени оборачиваясь на девочку. Однако наставал момент, когда пути их расходились. Кот, прощально махнув хвостом, сворачивал к лесу, Настя садилась у обочины дороги, лицом к закату, и рисовала. Вода стекала с рисунка, но «мокрые» акварели получались интереснее, смелее, чем «сухие».

Темнело быстро. Не за горами был уже и сентябрь. Гладиолусы, вымахавшие в саду, клонились от собственной тяжести. Созрели и подсолнухи, посаженные отцом в углу участка. Со дня на день должны были зацвести и астры на клумбе. Всё, казалось, идёт как должно. Но заключительная часть лета преподнесла Средовым сюрприз.

ОТЪЕЗД

Отъезд в Москву они наметили на тридцатое августа. «Пообедаем и поедем», — говорил отец, однако двадцать девятого рано утром у мамы начались схватки. Собрались наспех, уехали, не дождавшись с ночной

прогулки кота. Оставили ему молока в миске у самого крыльца, понадеялись на кошачью сообразительность да на участие Нины Ванны.

Та позвонила к вечеру.

— Приходил, — отчиталась она. — Час мяукал под дверью... Звала к себе — не пошёл.

— Не пропадёт, — решил отец. — В конце концов, кот он или не кот? Пусть мышей ловит.

Отца занимало совсем иное. Ожидаемое в середине сентября рождение сына пришлось на последние, хлопотливые числа августа. Покупки, которые по маминому настоянию были отложены до рождения Алёшки, поездки в родильный дом, а также звонки из музыкалки не оставляли ему ни минуты свободного времени.

— Не приходит! — кричала Нина Ванна по мобильному в ответ на тревожные Настины вопросы. — Я ему и «Вискас» оставила, и рыбки отварной положила... Так нетронутым всё и стоит, — сокрушалась она.

— Ничего, — говорил отец. — Третьего, в воскресенье, поеду на дачу, заберу вещи и кота в придачу. Куда он денется...

Тридцать первого августа Настя не выдержала. Написав записку отцу и помахав под окнами роддома маме, поехала она на Казанский вокзал. Дивясь количеству пассажиров с детьми, купила, постояв в очереди, билет до Голутвина.

Из Москвы поезда шли наполовину пустыми. Настя открыла было книгу, однако читать не получилось. Мысли одолевали её. Квартиру надо привести в порядок до того, как в ней появится младенец. Папе надо приготовить что-то на ужин. Мотю надо отыскать и привезти с дачи. Корзину для этой цели она взяла. Оставалось

добраться до места, открыть дом ключом, спрятанным в банке с гвоздями. Намерения у девочки были самые решительные. «Если не придёт сам, — думала она под перестук колёс, — пойду в поле, в лес... Буду кричать, пока не объявится... И надо успеть сегодня же вернуться в Москву. Вторым уроком у нас завтра французский...»

ВСТРЕЧА

«Et si tu n'existais pas...»* — услышала она доносившееся из дальнего конца вагона пение. Двое — один с флейтой и большим пакетом, болтающимся на боку, и второй с гитарой — чуть враскачку двигались в её сторону. В том, что этим вторым был Бабушкин, сомнений быть не могло. Музыканты неминуемо приближались.

«Не узнает», — понадеялась Настя, мысленно взглянув на себя со стороны: загорелое лицо, стрижка под пацана, десять сантиметров, которые она прибавила в росте, и вдобавок ко всему клетчатая рубашка с отцовского плеча.

Первый парень поравнялся с ней, и она сделала то, что всегда делали в таких случаях её родители, — бросила музыканту несколько мелких монет. Парень кивнул и пошёл дальше. Настя уставилась в книгу. Буквы прыгали у неё перед глазами. Пение прекратилось, раздался скрежещущий звук отворяемой двери... Всё.

Девочка откинулась назад, спиной ощутив холодок скамейки. Разобраться в собственных чувствах ей было сложно. «Он же мне не нравится, не нравится, — успокаивала она себя. — Не нравится, не нравится...»

*«Если б не было тебя...» — начальные слова песни французского певца Джо Дассена.

— Спишь? — Знакомый голос заставил её вздрогнуть.

— Нет, — открыла она глаза.

Бабушкин смотрел на неё хорошо знакомым ей взглядом, как бы прикидывая, сказать — не сказать?..

Во все глаза глядела на него и Настя. Лёнька... Такой же, почти не изменился. «Боже мой, но до чего же он... до чего же он...» — Неожиданное открытие поразило её.

— Скажи, — попросил Лёня.

— До чего же ты похож на свою маму, — произнесла наконец Настя.

— Я знаю, — радостно улыбнулся он. — Хотя все вокруг говорят, что похож я на отца... Все обращают внимание только на высокий рост, а по сути...

Он снял очки. Шрамы на лице и искалеченный глаз придавали ему вид лихой, бандитский, однако черты лица действительно были такими же, как у мамы: длинный нос, чуть выставленный вперёд подбородок, быстрый внимательный взгляд...

— Ты мне нравишься, — неожиданно для себя самой сказала Настя и добавила: — А знаешь... у меня только что брат родился...

— Ну, ты даёшь! — искренне восхитился Лёня. — Как назвали? — задал он вопрос, на который Настя за последние два дня отвечала уже раз сто.

— Алёшей, — сказала девочка и опасливо добавила: — Как тебе это имя?

— Более чем, — ответил Лёнька.

И оба они засмеялись, радуясь, что понимают друг друга с полуслова и что та простота, с которой они общались прошлой осенью, снова к ним возвращается.

Свист в конце вагона заставил их оглянуться. Товарищ Лёни выразительно стучал по пакету с выручкой.

— Я тебе позвоню, — сказал Лёнька. — А сейчас пойду. — Он снова надел тёмные очки.

— Как бабушки? — вдогонку спросила Настя.

— Роза дома, Белка в больнице.

— Передавай ей от меня привет, — сказала Настя. — Я и сама её навещу, только вот ...

— Что?

— Только вот кота отыщу, — объяснила Настя, кивнув на корзину. — Остался на даче.

— А я думал, ты за грибами, — улыбнулся ей Лёня. — Не волнуйся, найдёшь своё животное. С твоими экстра-сенсорными способностями это не проблема.

ПОСЛЕДНИЙ ДОЖДЬ ЛЕТА

Проходя мимо Юлькиного дома, Настя заметила, что он заперт. Признаков жизни не подавала и дача Николаши. Поколдовав над хитрым замком, который установил на калитку отец, Настя подошла к дому. Две полные миски стояли перед крыльцом. Содержимое одной подёрнулось плесенью... Настя вошла в дом, окликнула на всякий случай кота. Потом вышла за калитку, прошлась по улице. Крикнула соседке, та, выглянув в окно, красноречиво развела руками.

По тропинке, ведущей к лесу, Настя почти бежала. Парило так, что она не сомневалась: час-другой, и дождь будет — настоящий, проливной. Вот и опушка.

— Мо-тя! — удивляясь силе собственного голоса, крикнула Настя.

Она кричала во все лёгкие. Ответом ей был лишь шум волнующихся деревьев. Поднимался ветер, небо потемнело. Первые тяжёлые капли упали ей на плечо. Девочка повернула к дому.

Последний дождь лета, хлеставший плетьюми дома и заборы дачного посёлка, не унимался. Спасаться от него уже не имело смысла, поскольку и нитки сухой на Насте не было. Нырнув в дом, оставляя на полу лужи, девчонка скинула промокшую насквозь одежду, переоделась в сухой мамин халат.

Дождь был, как любой сильный дождь, недолгим. Унялся он так же неожиданно, как и начался.

Девочка распахнула окна.

— Встречай! — услышала она крик с соседней «фа-зенды». Нина Ванна кричала и смеялась, указывая рукой на бегущего огородами Мотю. Настя распахнула дверь, схватила его, изодранного и грязного, на руки. Поцеловала в нос, обтёрла какой-то тряпкой. Прижимая кота к себе, пошла открывать калитку. Нина Ванна уже ковыляла к ним с банкой молока.

УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ

Лариса Шевцова

УРОК 22

КАМЕЛИЯ

Дорогие друзья, в течение нескольких следующих уроков мы будем осваивать технику дугового (французского) плетения. Мы уже пробовали работать в этой технике, выполняя зелёные листики для фиалки. Я постепенно расскажу вам о приёмах работы в этой технике на примере плетения различных цветов. Но прежде чем приступить, давайте поговорим об основах дугового плетения.

Здесь всегда есть ось и рабочая проволока. На ось мы нанизываем некоторое количество бисера, а рабочей проволокой делаем нужное количество оборотов вокруг этой оси, закрепляя проволоку то вверху, то внизу оси. Для оси может использоваться отдельный отрезок проволоки, как правило, более толстой, либо конец рабочей проволоки, который загибается и подкручивается на несколько оборотов. Если использовать для оси рабочую проволоку, то нужно сделать расчёт её длины, об этом мы поговорим при плетении лепестков и листиков камелии. Есть в этой технике различные варианты ажурного плетения, зубчики и ещё много всего интересного.

Однако давайте приступать к работе.

Для камелии нам понадобятся: бисер розового или красного цвета для цветка и бисер зелёного цвета для листьев; проволока толщиной 0,4 — 0,5 мм (цвет проволоки большого значения не имеет, так как её практически не будет видно); полужёсткие стержни или более толстая проволока, потому что цветок получается большим и тяжёлым; флористическая лента зелёного цвета.

Камелия состоит из трёх ярусов лепестков и пяти зелёных листьев, собранных в ветку.

Верхний ярус состоит из трёх маленьких лепестков розового или красного цвета. При работе в технике дугового плетения желательно использовать довольно мелкий бисер, например № 10. О размере бисера мы уже говорили в предыдущем уроке. Сейчас я лишь хочу напомнить, что бисер китайского производства ощутимо крупнее чешского, поэтому обращайте внимание на реальную величину бисера. Но с другой стороны, именно при плетении во французской технике чаще всего используют китайский, потому что здесь не слишком заметны его дефекты (неодинаковая форма и размер).

Формулу плетения этого лепестка можно записать следующим образом:

Ось — пять бисерин, три пары дуг, округлый верх (ОВ) и заострённый низ (ЗН).

Можно вместо количества бисерин на оси указывать длину этой оси, но тогда придётся самостоятельно рассчитывать количество бисера. Более правильным считается указание именно длины оси, потому что ось из пяти бисерин чешского бисера № 10 и ось из китайского бисера того же № 10 будут иметь разную длину, а значит и размер готовых цветов будет существенно отли-

чаться. Мы ещё не раз будем возвращаться к этой теме. Но пока мы только начинаем работать в этой технике, нам будет удобнее и проще указывать именно количество бисерин для оси.

Берём катушку с проволокой и, ничего от неё не отрезая, начинаем нанизывать бисер. Нанижем где-то около одного метра бисера. Теперь сдвинем нанизанный бисер так, чтобы остался свободный конец проволоки сантиметров 25 — 30. Теперь согнём проволоку так, чтобы свободный конец лёг параллельно проволоке с нанизанным бисером, а от загиба до конца проволоки осталось сантиметров 15 — 20.

Сгибать нужно неплотно, так, чтобы получилась достаточно свободная петля. Конец проволоки и ту часть, на которую нанизан бисер, держим в левой руке большим и указательным пальцами на расстоянии 8 — 12 сантиметров от свободного конца проволоки. Указательный палец правой руки вставляем в эту петлю и делаем им несколько оборотов по часовой стрелке, скручивая проволоку максимально близко к пальцам левой руки.

У нас получилась петля, которая в дальнейшем будет черешком лепестка. Её можно делать любой длины в зависимости от того, какой черешок нам нужен: чем длиннее черешок, тем более длинным должен быть свободный конец проволоки, из которого мы будем делать петлю. Короткий конец проволоки называется осью, а проволока с нанизанным бисером — рабочей нитью.

Таким образом, мы определили черешок, ось и рабочую нить.

На ось набираем пять бисерин и подкручиваем самый её кончик, чтобы бисер не соскочил (в дальнейшем, по мере приобретения навыка, конец проволоки

на оси можно и не подкручивать). Затем пододвигаем нанизанный бисер с рабочей нити максимально близко и плотно к тому месту, где начинается ось. Отсчитываем 6 — 7 бисерин, укладываем рабочую нить с этими бисеринами параллельно оси, подводим под ось так, чтобы проволока рабочей нити легла максимально близко и плотно к верхней бисерине оси, и делаем один оборот рабочей нитью вокруг оси. Отсчитываем ещё 6 — 7 бисерин, укладываем рабочую нить так же параллельно и плотно к оси, так же подводим под ось, но уже внизу и так же подкручиваем на один оборот вокруг оси уже снизу — мы сделали первую пару дуг.

Здесь есть три маленькие хитрости:

1. Бисер необязательно отсчитывать, достаточно прикладывать один ряд к другому и отодвигать лишнее. Рабочая нить не должна выгибаться дугой, но и не должно быть видно голой проволоки.

2, Обязательно нужно следить за самой осью, чтобы она не отклонялась ни влево, ни вправо.

3. Не забывать следить за тем, как мы подводим рабочую нить к оси — сверху или снизу. Если мы начали подводить рабочую нить снизу, то делать так нужно на протяжении всей работы, потому что в этой технике есть лицо и изнанка.

Есть ещё одна хитрость, о которой следует поговорить особо: подкручивая рабочую нить вокруг оси под углом 90 градусов, мы формируем круглый листик, а если рабочую нить подкрутить под углом 45 градусов, то листик получится заострённым.

Заострённый верх или низ лепестка можно сделать и другим способом: вокруг оси сделать не один, а пару оборотов рабочей проволокой, но тогда уже придётся

думать о цвете этой проволоки и о качестве самой подкрутки.

Нам нужно сделать ещё две пары дуг и не забыть о том, что верх нашего лепестка округлый, а низ заострённый.

Дорогие друзья, сначала все эти тонкости и хитрости кажутся очень сложными, но потом, по мере приобретения навыков и опыта, мы поймём, что на самом деле всё достаточно просто, а подчас и не интересно.

На примере маленького лепестка я довольно подробно описала способ плетения. Остальные лепестки и листья попробую дать в схемах.

Средний ярус состоит из пяти лепестков. Ось — пять бисерин, четыре пары дуг, округлый верх (ОВ) и заострённый низ (ЗН).

Нижний ярус состоит из семи-девяти лепестков. Ось — пять бисерин, пять пар дуг, округлый верх (ОВ) и заострённый низ (ЗН).

Зелёная ветка состоит из одного большого листа, двух средних и двух маленьких листьев.

Маленький лист. Ось — семь бисерин, пять пар дуг, округлый верх (ОВ) и заострённый низ (ЗН).

Средний лист. Ось — семь бисерин, шесть пар дуг, округлый верх (ОВ) и заострённый низ (ЗН).

Большой лист. Ось — семь бисерин, семь пар дуг, округлый верх (ОВ) и заострённый низ (ЗН).

Иногда в схемах указывают не количество пар дуг, а количество рядов. Тогда в маленьком зелёном листе будет одиннадцать рядов, в среднем — тринадцать, а в большом — пятнадцать.

Не забываем, что по мере увеличения количества пар дуг или рядов, а также длины оси нужно увеличивать и

длину проволоки, которую мы оставляем для этой оси. Для листьев черешки оставляем довольно длинными, потому что из них нам нужно будет сформировать ветку.

Сборка

Из трёх маленьких лепестков формируем бутон, скручивая их между собой так, чтобы изнаночная сторона лепестков оказалась внутри бутона.

Определить изнаночную сторону несложно — на ней видна и довольно хорошо прощупывается проволока.

Бутон закрепляем на стержне с помощью флористической ленты. Подставляем один за другим лепестки второго и третьего ярусов, фиксируя каждый из них хотя бы одним витком флористической ленты.

Обязательно следим за тем, по часовой или против часовой стрелки мы подплетаем лепестки. Если мы начали подплетать по часовой стрелке, то в процессе работы нельзя менять направление, иначе готовый цветок будет выглядеть неаккуратно и неестественно.

У нас получился довольно большой и тяжёлый цветок. Прежде чем начать обматывать стебель, прижимаем концы проволок от лепестков к стержню с помощью плоскогубцев, а потом обматываем стебель флористической лентой до того места, где бы мы хотели приплести ветку с листьями. Черешок каждого из зелёных листьев обматываем на несколько сантиметров флористической лентой, а потом к большому листу приплетаем сначала два средних, а немного ниже и два маленьких листа. Готовую ветку подплетаем к стеблю цветка и обматываем всё изделие.

Дорогие друзья, мне бы очень хотелось получить от вас обратную связь именно по этому уроку, потому что

наша камелия существенно отличается от всего того, что мы делали раньше. Дело в том, что я сама люблю более мелкие и изящные изделия, но крупные цветы достаточно востребованы и хорошо смотрятся в интерьере. К тому же, поездив по России, я поняла, что далеко не везде можно купить хороший качественный бисер, да и денег у многих на него не хватает, даже если он есть. Французская же техника, как я уже говорила, позволяет использование некалиброванного бисера. Есть и ещё одна причина, по которой я решила познакомить вас с этой техникой: если вам не будет хватать моих уроков, вы найдёте массу мастер-классов в Интернете.

По-прежнему жду от вас писем с вопросами, предложениями и фотографиями ваших работ.

Ваша Лариса Андреевна